

18+

Юрий Меркеев

ГРУЗДЬ МОЕГО НАСТРОЕНИЯ

Рассказы и миниатюры

Юрий Меркеев
Груздь моего настроения.
Рассказы и миниатюры

<https://litres.ru/56079570>

ISBN 9785005101679

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В книге собраны рассказы и миниатюры, опубликованные ранее отдельными книгами «Гермиона», «Рождественское чудо», «Неразменный кот», «Бокс и рок-н-ролл», «Черный квадрат Чаликова», «Порванный регтайм», «Монастырь и кошка», «Гердауэн». А так же опубликованные в различных журналах и альманахах.

Содержание

Мудрец	5
Белочка (рассказ пациента сумасшедшего дома)	13
Бокс и рок-н-ролл	20
Тихая Серафима	28
Миссия	31
На Казанской	35
На Святочной	44
Память	47
Как я стал злодеем!	50
Пуля	57
Улыбка	63
Вор	65
Ангел	69
Гердауэн	76
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Груздь моего настроения Рассказы и миниатюры

Юрий Меркеев

© Юрий Меркеев, 2026

ISBN 978-5-0051-0167-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мудрец

Доктор Сопронов был «неправильный» психотерапевт.

Во-первых, он не носил бороды, гладко брился, душился цитрусовым одеколоном, эмоционально общался с пациентами. Был начитан, обожал зарубежную литературу, знал наизусть множество стихов.

Во-вторых, вежливостью покорял младший медицинский персонал, дружил с санитарями и медсестрами. Терпеть не мог чопорности и высокомерия в профессии.

В-третьих, строил отношения с больными не как с заключенными в клетку собственного безумия, а как с друзьями, временно потерявшими в сложном пространстве жизни. В лечении помогал пациенту самому осознать шаткость положения, утверждал его в вере в свои силы, возможности и давал надежду. Поэтому он вызывал восхищение у одних коллег и зависть у других.

Про него нельзя было сказать *свой парень*, потому что для этого он был чрезвычайно интеллигентен, что создавало своеобразную дистанцию между ним и другими людьми. И, тем не менее, он был именно *своим парнем*.

Ему было под сорок, мне двадцать два. Я работал санитаром в приемном покое, он заведовал первым женским отделением.

На работе мы пересекались редко. В основном, в прием-

ном покое во время суточных дежурств.

Как-то ночью привезли студента, который пытался покончить с собой.

Залил в общежитии кафельный пол кухни кровью, кричал, что из-за его маленького роста не может познакомиться с девушками. А девушка ему *очень нужна*. Исполосовал с визгом свои руки ножом, дождался скорой помощи и безвольно сдался санитарам.

Перебинтованный студент выглядел подраненным воробушком, хотя накануне истребил в общежитии столько собственной крови, что натурально походил на пьяного мясника с рынка. Теперь юноша был обескровлен и жалок.

— Я не могу, — тревожно шептал он. — Не могу я.

— Теперь подробнее. Что вы не можете?

Игорь Павлович ко всем пациентам обращался на «вы».

— Я не могу с девушками.

— Ну, вот это уже яснее, — отвечал доктор. — Позвольте спросить, почему вы не можете с девушками?

— Маленький рост. Они смеются. Я не могу. Уж лучше сразу.

— Ну, перечислять великих людей с маленьким ростом я не буду. Это займет половину ночи. И объяснять, что женщины любят не за высокий рост, тоже не буду. Так думают инфантильные мужчины. А вы, кажется, на историческом учитесь? Значит, с интеллектом у вас все в порядке? Знаете, что вам нужно, дорогой мой историк? Будущий доктор

наук. Профессор, за общение с которым будут сражаться в интеллектуальных поединках красавицы-студентки. Знаете, что вам нужно?

В глазах потерянного воробушка сверкнула надежда.

— Вам нужна женщина легкого поведения.

— Это как? — изумился перебинтованный «боец».

— А это вам санитар наш расскажет, — улыбнулся Игорь Павлович, подмигивая мне одним глазом. — Пока я буду оформлять вашу историю болезни, Алексей расскажет, где в нашем городе девушки не смотрят на рост мужчины, а заглядывают только в кошельки. Алексей тоже студент. И, несомненно, знает больше того, что известно мне.

— Ну, — начал я издали. — Мне, конечно, кое-что известно про это, но с чужих слов.

— Да-да, продолжайте. Нам важно узнать, где и как это происходит. В теории, то есть.

— Ну, хорошо. У меня есть невеста, поэтому я...

— Алексей, — с веселым упреком остановил доктор. — Мы должны помочь этому бедняге, чтобы в будущем он не хватался за холодное оружие, а шел предметно по назначению туда, где что-то можно получить за деньги.

— Так вот, есть в нашем городе аллея любви, так ее называют местные жители. Это недалеко от рынка. Знаете, наверное? На лавочках там сидят девушки. Разные. Маленькие, высокие, блондинки, брюнетки. Умненькие, глупенькие. Короче говоря, на любой вкус. Приходите туда поздно вечером,

перед вами всплывет мамочка, то есть их бригадир. Платите ей деньги и уходите с понравившейся особой. Вот и все.

— Да, Алексей, весьма познавательно. Весьма. Ну, как вам, уважаемый студент? Резать себя больше не будете? Есть еще один вариант, — задумчиво прибавил Сопронов. — Научиться терпеть и ждать. Если вы настоящий интеллигент, то должны помнить Омара Хайяма? Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало. Два важных правила запомни для начала — ты лучше голодай, чем, что попало есть, И лучше будь один, чем вместе с кем попало. Ну, как?

«Воробушек» плакал.

Урок прошел не зря.

Ночные дежурства с Сопроновым были для меня не только работой, но и познавательными актами. Литературу я любил не меньше доктора.

Иногда мы встречались с ним в парке «Швейцария» у книжных развалов, где можно было купить или выменять редкую книгу. На литературе мы с ним, собственно, и сошлись. Игорь Павлович писал. Делал иллюстрированные дневники и шутил, что он уже давно знает, что гениален, только вот никак не может понять, почему об этом до сих пор не знают другие.

В местном литературном объединении зачитывал записи с листка. Мудро, познавательно, иронично и полезно для психического здоровья. Ибо важно взглянуть на себя со сто-

роны чужими глазами.

У него была жена, трое детей и любовница из Питера. Иногда он цитировал кусочки ее посланий, смеялся тому, что она называла его «юноша», как в романе Фицджеральда «Ночь нежна». Во время прогулок по парку рассказывал мне, что весь свой личный архив хранит на даче у друга — не дай бог, в его сакральное пространство залезет жена или теща. Скорбел, что приходится прятать этот сердечный багаж. И давал мне множество полезных советов.

— Когда решитесь жениться, в первую очередь внимательно приглядитесь к теще, — с хитрым прищуром шептал он. — Примерно так будет выглядеть через некоторое время ваша жена. Если устраивает, женитесь. Если нет, уносите ноги, пока не поздно. Поверьте, это закон.

— А как же вам с этим? Повезло?

— Ну, что вы! — восклицал доктор. — Разве я стал бы прятать архив на даче у друга?

Любовницу я однажды увидел случайно. Игорь Павлович ворковал с ней на скамейке у главпочтамта солнечным весенним днем, думая, очевидно, что они закрыты плащом-невидимкой. Мне запомнилось, что девушка была молода, лицо детское, наивное, чистое, красивое. А еще на голове был повязан старомодный капот, какой, наверное, был популярен во времена Достоевского в Петербурге. Я прошел мимо, остерегаясь нарушить их романтическое таин-

ство. Мне подумалось, что в эту минуту они были очень счастливы.

Потом я женился, нарушив совет опытного психиатра по поводу тещи. Устроился работать на завод, где хорошо платили. Остыл к литературе, умным беседам, пристрастился к пиву и анекдотам в компаниях сверстников. Словом, зажил «как все».

Встретил Игоря Павловича через год в скверике у больницы. Он отпустил традиционную докторскую бородку, осунулся, как-то постарел сразу и серьезно сказал мне вместо приветствия:

— Если бы я нашел хотя бы одного по-настоящему мудрого старика, я бы оставил всех своих друзей. Поверьте!

Игорь Павлович умел говорить лапидарно. Как будто резец пророка высек на скрижали новую заповедь.

Мы не виделись долго. Около тридцати лет. Я развелся с женой, переехал жить в другой город и все время по жизни присматривался к старикам, надеясь отыскать того самого единственного мудреца. Тут Игорь Павлович был тоже прозорлив. Старики встречались все больше какие-то затравленные. Философы-алкоголики, неудачливые поэты, зурядные личности, у которых произошло эмоциональное выгорание от долгой жизни. Странно. Действительно работал какой-то закон личностного измельчания. И ни одного мудреца. Только книги, литература как-то обогащали мой ум, умудряли душу.

Когда я увидел Игоря Павловича в последний раз, он уже мало походил на себя. Это был глубокий старик. На вид — не меньше восьмидесяти. За собой он, кажется, почти не следил. Старенькое пальтишко, огромная седая спутанная борода, лукавый озорной взгляд. Он не узнал меня или сделал вид, что не узнал, хотя я первый бросился к нему с приветствиями, втайне надеясь, что в последней его заповеди мне повезет, и я встречу хотя бы одного мудрого старика.

Он с улыбкой кормил голубей, когда я пытался разбудить его память.

— Игорь Павлович, ну, неужели вы меня не узнаете? — восклицал я, пытаюсь проникнуть сквозь броню «маски», которая была на лице того, который когда-то живо бунтовал против подобных ликов в профессии и в человеческом общении. — Что с вами? У вас все хорошо? Помните наши беседы? Книги, литература. Вы ж посоветовали мне найти хотя бы одного мудрого старика. Мне показалось, что я нашел. Это вы! Игорь Павлович, мудрый старик — это вы!

Мудрец перестал кормить голубей, сложил остатки хлебного мякиша в носовой платок, еще раз с улыбкой окинул меня с головы до ног и доброжелательно ответил:

— Если бы вы знали, молодой человек, что никто, кроме нас самих, не делает нас мудрецами. Разве много счастья найти мудреца? Жить нужно проще, радоваться тому, что есть. Не завидовать, не обижаться, не осуждать, не тщеславиться. Как много времени в жизни мы проводим впустую!

Тратим силы на какую-то чепуху. А счастье-то внутри нас. Печально, что эта маленькая мудрая мысль приходит тогда, когда нужно отчаливать. Ну, мне пора!

— Скажите мне хоть одно, — растерянно пробормотал я.
— Вы меня вспомнили?

Старик глубоко вздохнул.

— Милый мой, вы же всех голубей распугали. Разве это так важно, помню я вас или не помню? Дело-то не в этом. Ну, прощайте, милый, прощайте. Мне еще ведь на процедуры поспеть.

— Вы продолжаете лечить? — удивился я.

— Нет, нет. Сам лечусь. Старость, милый, не всегда радость, а во многой мудрости много печали. Не ищите мудреца. Пока не поздно, живите простыми вещами. И будете счастливы. Поверьте.

И снова — будто невидимый резец высек на скрижали «новую старую» заповедь.

Белочка (рассказ пациента сумасшедшего дома)

Однажды я поймал *белочку*, точнее *белочка* поймала меня. Кто знает, о чем я говорю, должен понять, что эта тварь не нуждается в поисках. Она приходит сама, когда ее совсем не ждешь. И уже ты сам барахтаешься в ее сетях, как муха в паутине мохнатого хищника. Так и с *белкой*. Вырваться из ее когтистых лап самостоятельно невозможно, потому что нет понимания, что с тобой происходит что-то помимо воли и сознания.

Разумеется, опытный алкоголик, вроде меня, всегда чувствует приближение *белки*. Врачи называют это состояние предделириозным. *Delirium tremens* в переводе с латыни «трясущееся помрачение», алкогольный делирий — «белая горячка». Это уже в народе ее окрестили ласково — *белочка*. Боже упаси, попасть в ее лапки.

А я попал. Попал, что называется, конкретно. Симптомы приближения горячки были, но я не обратил на них особенного внимания, выпить уж больно хотелось. А приснился мне накануне кошмар, внутри которого я оказался с полным ощущением реальности происходящего.

Привиделось, будто я проделал пешком в подъезде путь с девятого этажа вниз и обратно. Заходил без звонка в квар-

тиры соседей, брал что-то ценное в прихожей и складывал в пакет. Вернулся домой с полным багажом чужого добра.

Я хоть и алкоголик со стажем, но никогда в жизни не брал чужого. Воровство в любой форме противно моей природе человеческой. Так меня воспитали родители. Тем страшнее был сам кошмар, в котором я занимался разбойничьим промыслом. Но это был сон внутри сна. Очнулся я от сильного стука в дверь. Открыл, а ко мне вваливаются все соседи, которых я обокрал. Не дают мне сказать ни слова, стыдят, ругают площадной бранью, а сосед снизу тащит за шиворот мою жену, с которой я уже год как развелся. Но в кошмаре я этого, как будто, и не подозревал.

— Ольга, — оправдываюсь я. — Ты меня знаешь. Я ничего ни у кого не брал. Это ложь. Не мог я этого сделать. У меня два высших образования.

И плачу как ребенок. И стыдно мне так, что хоть вешайся. А один из соседей, мастер спорта по боксу, подходит ко мне без слов и бьет по лицу. Кругом кровь, визг, хохот. Жена спешно снимает с себя драгоценности и раздает соседям. Я кричу, что продам квартиру и рассчитаюсь со всеми. И снова хохот. Другой сосед, грузчик из магазина поворачивается ко мне и резким боковым справа бьет кулаком в нос.

Тут я снова просыпаюсь. Никого нет. Кровь на подушке. Голова трещит как после нокаута. Все еще находясь под воздействием кошмара, выхожу в подъезд и первым делом иду к соседям извиняться.

— Тетя Клава, я у вас что-то брал? Что? Телевизор? Стиральную машинку? Хрусталь? Часы? Золото? Клянусь, продам квартиру, рассчитаюсь.

Тетя Клава вертит указательным пальцем у виска и произносит:

— Совсем допился, бедняга, как родителей схоронил, так и пошло. И жена бросила. Кто ж с алкашом жить будет? Сына забрала. Один кот остался. Деваться некуда.

Да. Начиналась классическая горячка. Первые симптомы. Кошмар в кошмаре. И все так явно. Даже удар по носу бредовым человечком оказался реальным. Во всяком случае, нос у меня был расквашен. Вернулся в квартиру, заперся изнутри, передохнул. Стало немного легче от того, что кошмар оказался бредом, захватившим меня ненадолго в свой плен. А придет белочка, что я ей скажу?

«Здравствуй, моя дорогая, я тебя не боюсь. Потому что ты сука!»

Аха-ха-ха-ха!

Надо было что-то срочно делать. Обязательно найти немного выпивки, чтобы белка отступила на время. А что потом? Брррр... Не думать! Дальше расквашенного носа не заглядывать.

На меня напал гнев. Я закричал: «Суки! Суки! Суки!»

Даже эхо мне ничего не ответило. Надо было кричать с балкона девятого этажа. В моем положении это единственный выход — прокричать всему миру, что он сука!

В комнате лежала библия, единственная книга, которую никто не хотел покупать у алкоголика. Был бы я сектантом, мне бы еще и денег дали. Пойду к сектантам и скажу: «Здравствуйте, суки! Я пришел».

Я рассмеялся.

Схватил библию за увесистый переплет и с силой швырнул в угол комнаты. Книга треснулась о стенку и, как подбитая черная птица, упала вниз головой. Была отдача в плечо, как при выстреле из автомата Калашникова. Я пошатнулся, едва сохранив равновесие. Тяжела книга, как моя запойная жизнь. Библия лежала на полу и едва дышала. В бога я не верил, в черта вроде бы тоже, однако расквашенный нос в кошмаре — это, ей богу, какая-то чертовщина.

Несколько страниц было порвано, шрам у книги кровоточил. Я с ужасом посмотрел на свои руки. Они тоже кровоточили. Черт подери, это уже не шутка! Здравствуй, белочка, я тебя не боюсь, потому что ты сука!

Я подошел к книге, она едва дышала. Неужели наглухо? Не получилось вора, стал убийцей. На меня смотрели улыбающиеся глаза двух строк: «Все суета сует. Суета!»

Я нервно рассмеялся и ушел на кухню.

«Однако, как же похмеляться буду? — подумал я, обводя мутным взглядом голые полки на кухне и вылизанную до блеска миску кота. — Круг замкнулся. Все суета сует!»

Тишка голодал вместе со мной. Не бросил. Не пошел воровать по чужим квартирам. Даже на помойку не выскочил.

Гордый кот, благородный. Весь в хозяина. На паперть не пойдет. Умирать будет, а не пойдет.

— Тишка, мать твою! Где ты?

Я собрал в хлебнице несколько сухих крошек и бросил в рот.

«И продавать-то уж нечего, — развел я руками. — Суки! Кругом одни суки! И занять... так никто не даст. Соседи знают. Друзей нет. Родные далеко. До паперти не дойду. Остается одно — с девятого этажа вниз головой. Так ведь, Тишка?».

Из моего горла булькнул смешок, я подошел к книге. Из шрама по-прежнему сочилась кровь.

«Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?» — обратилась ко мне библия, и я окончательно решил, с девятого этажа головой вниз.

Страшновато. Для храбрости нужен самогон. Черт, у кого взять? Нинка с первого этажа не даст. Может быть... в соседнем подъезде? У бабы Гали? Да!!!

И я неожиданно стал легким как птица и буквально слетел с девятого этажа вниз, скользнул в соседний подъезд. Выпросил у тети Гали четвертинку самогона в долг — чуть не на колени пришлось встать перед хищной старухой с профилем стервятника, — потом снова полетел на девятый этаж. По дороге у меня выросли крылья. По-настоящему. Два птичьих гигантских крыла. Я был легонький как пташка небесная.

На кухне быстро раскупорил бутылку.

— Сивуха, — поморщился. — Когда в долг просишь, подсовывают гадость.

Запил холодной водой из-под крана. А через минуту крылья понесли меня на балкон. Я был птицей. Черной птицей, похожей на книгу. Надо бы полетать. К церкви. На паперть. Заглянуть в окна к друзьям. Помахать им крылышками. Это ж я, суки! Вам уютно, а мне благодно. Вам печально, а мне на все наплевать. Хорошо! Как хорошо!!!

Внизу штормило. Завывал ветер. Детская площадка величиной с ладонь покачивалась из стороны в сторону. Лететь! Я уже легонький стал.

В эту секунду кто-то схватил меня за шиворот и поволок назад в комнату. Я оглянулся. Это был кот. Голодный черный котище. Я был мелкий как бельчонок, а Тишка величиной со льва. И я закричал от страха, потому что подумал, что сейчас мой кот меня точно съест. Потому как я заслужил это. Тишка думает, что я птичка. Не ешь меня! Я больше не буду летать.

Очнулся уже в больнице. Знакомый запах. Не первый раз здесь. Наблюдательная палата. Не могу шевельнуть ни ногой, ни рукой. Огляделся и понял, что привязали меня полотенцами к койке. На психиатрическом жаргоне это звучит «зафиксировали».

Прислушался. Санитары шепотом рассказывают друг другу историю о мужике, которого от самоубийства спас черный кот. Невероятно! Надо бы попросить кого-нибудь из них пе-

рассказать мне от начала до конца. Люблю фантастические истории.

Бокс и рок-н-ролл

Кто сказал, что в Балтийском районе живут одни хулиганы? Кто сказал, что у кинотеатра «Родина» *муже-чинок* нетрадиционной ориентации ловят народные мстители и свозят гуртом в культурный парк? А там наказывают матросскими ремнями с медными пряжками, метят мягкие места якорями. Кто сказал, что в заводском квартале проживает какой-то Генка-Годзилла, который по ночам пристает к прохожим и просит купить у него кирпич? А если отказываешься как-нибудь, он хмурится: «Все говорят, не хочу, а ты купи кирпич!» И не отстает до тех пор, пока не выманит мелочь. «Все говорят, не нужен кирпич, а ты купи!»

И покупают.

Кто сказал, что в Балтийском районе не любят рок-н-ролл, бренчат на гитарах блатными аккордами и пьют красное в подворотнях? А еще носят клеши по полметра и прически в виде немецких касок. И дерутся. И бьют. И хулиганят. Какая ерунда. Вырвать бы лгуну его длинный язык.

Я знаю, кто распускает гадкие слухи. Молодежь из центральных районов города. Дескать, мы ребята хипповые, носим длинные волосы, курим травку, поем рок-н-ролл и прославляем наше веселое язычество. А в Балтийском районе живут «быки».

Получается, что я тоже «бык»? Славное язычество. Брат-

ство быков. Чушь какая!

Я родился и вырос в рабочих кварталах и утверждаю, что все это ложь. Ну, или... почти все.

Бокс у нас любят не меньше рок-н-рола. Настроение мрачных домов вековой постройки, узких мощеных улочек, пронизывающий до костей ветер, романтика подъездов и блатных песенок настраивает на боевой лад.

Да и вообще все это не диагноз. Явление временное. Сегодня бокс, завтра рок-н-рол. В юном возрасте все по плечу. Годзиллу не знаю, а вот с Генкой Кирпичом знаком. Мы с ним ходим в одну секцию. При мне он никогда не продавал кирпичи. И вообще, Генка воспитанный.

Итак, о боксе и рок-н-роле.

Мой первый тренер был без руки. Правую кисть потерял в бою в рукопашных схватках в апреле сорок пятого в Кенигсберге. Старик не рассказывал о войне, но ребята из секции знали, что Николай Иванович был из штрафников, и собственной кровью искупил бывшее. А что у него было, мы не знали. Татуировку на левой руке расшифровать не могли.

А вместо правой кисти у него был черный протез.

Занимались мы в старой кирхе, в которой после войны был сначала мукомольный склад, а затем различные секции.

Спортивных снарядов почти не было. Трудно придумать конструкцию для подвесного мешка в зале, потолок которого уходит прямым в небо. Работали в основном в спаррингах, то есть тренировались на «живую». А мешки нам заме-

няли скрученные маты, переброшенные через перекладины турников. Зато эхо в зале было потрясающим. Бросишь слово в горячке, оно размножится, усилится причудливой акустикой, вернется к тебе же бумерангом.

Иногда в тишине зала подвывали трубы органа у алтарной стены.

Николай Иванович проводил разминку, потом усаживался в кресло и мирно дремал.

Тактикой боя руководил Генка Кирпич. Ставил удары, учил ныркам, уклонам, сериям. От Генки часто пахло табаком и пивом. Как-то он умудрялся совмещать несовместимые вещи. Генка на равных бился с кандидатами в мастера спорта, но подтвердил только первый взрослый разряд. Трудно было найти тяжеловесу достойного противника. Весовая категория была в дефиците.

Свое прозвище он заработал не столько за сокрушительные удары, сколько за внешность. Лицо плоское, темное, крепкое как кирпич. Поговаривали, что в уличных схватках плохо приходилось тому кулаку, который падал на лицо Геннадия. Кулак рассыпался в щепки. Кирпич умел держать удар.

— Не суетитесь, — просыпался Николай Иванович, когда на слух воспринимал огрехи наших занятий. — Много сил тратите впустую. Бокс не балет. Не красуйтесь.

На левом запястье тренера оживала зловещая татуировка волчонка с какими-то цифрами. Рука крепкая как клешня.

Даже когда он показывал некоторые удары по воздуху, чувствовалось, что в кулаке зажата пудовая гиря.

Первые соревнования вспоминаю со смехом. Мне тринадцать. Высокий, худой, узкоплечий, нескладный. Глаза горят, кулачки работают крепко. Вызвать в себе злость на противника не могу. Отношусь к боям как к рок-н-ролу.

Перед боем взвешивание. Ночь плохо сплю. Нервы. Утром на голодный желудок устремляюсь на весы в спортзал «Спартак». Вес пушинки. И все-таки согревает чувство, что «дед» допустил до соревнований.

За час до начала поединков я уже в раздевалке. Пробегая глазами по списку, нахожу свою фамилию одной из последних, напротив моего имени — имя незнакомца. Неприятный холодок внутри. Надо было перекусить перед боем. Взвешивание прошло. Почему бы не прибавить себе с полкило? Кто он, мой первый соперник на ринге? А если бывалый? Или «центральной»? Пусть лучше «центральной». Легче будет вызвать праведный гнев.

Чтобы унять нервное напряжение, захожусь боем с тенью перед зеркальной стеной. Понимаю, что где-то рядом разминается боксер, с которым мне предстоит схватка. Нахожу глазами худенькую нескладную фигурку юноши, похожего на новичка, прицениваюсь к весу. Возможно, это он? Пристраиваюсь рядом и делаю вид, что я боксер с опытом. Провожу у зеркала нырки, уклоны, резкие «двоечки», «троечки». Пусть у него в голове осядет мысль, что я сильнее. Это поможет. На

мне надета белая майка, черные трусы с белыми полосками, стоптанные боксерки. Смотрю по сторонам. Все мальчишки друг на друга похожи. Поди-ка угадай, с кем будешь биться? Почему-то совсем не страшно. Возможно, потому, что мне приходит в голову забавная мысль о том, что прыгающие перед зеркалом мальчишки напоминают театральную массовку школьного кружка, где через минуту потребуется стайка потешных чертенят. По существу, так и есть. Зрелище. Вскоре эта стайка разобьется на пары и пойдет веселить публику.

В раздевалку вваливается Генка Кирпич и улыбается, глядя на мои трусы. Что такое?

— Старина, у тебя с собой чернила есть?

От Генки пахнет вином. Глаза маслянистые. Движения уверенные, вальяжные.

— При чем тут чернила? — спрашиваю я и уже трясусь от смутной тревоги. — У меня ручка.

— Шариковая? — спрашивает Кирпич.

— Шариковая.

— Тогда быстро в туалет и закрашивай белые полосы на трусах. Как получится. Ну, ты что, в первый раз? Два угла ринга. Синий и красный. Это ж соревнования, а не тренировка. От нашей секции все в синем углу. Поэтому и трусы должны быть синие. Или хотя бы полоски. Мигом давай!

Меня уже нет. Я в туалете. Лихорадочно расписываю белые тряпки на трусах. Смех, да и только, но мне не до смеха. Почему никто не предупредил? Руки вымазал в синей пасте

как первоклассник. Губы фиолетовые, потому что пытался продуть стерженок. Теперь я главный чертенок в массовке. Накатывает смешливое настроение. Нельзя. Надо разозлиться на противника. Так учат профессионалы. А у меня никакой злости нет. Но соревнования очень важны. Нужно выйти и постараться победить. Как в любом виде спорта. Свою брови у переносицы и с гневом думаю, что «красный» боксер будет насмехаться над моими трусами. Этого я ему не спущу. Главное — это придумать, за что разгневаться на противника.

Судья поглядывает на меня с недоумением, прячет улыбку в кулак. Медленно приближается к секундантам, о чем-то шепчется с ними. Потом проверяет перчатки, не сунул ли кто из нас в конский волос какую-нибудь свинчатку? Приглашает поприветствовать друг друга. Передо мной круглолицый рыжий паренек, не похожий на боксера. Зачем он здесь? Выиграть? Но выиграет только один из нас.

Мой секундант — Генка Кирпич. Разминает плечи, басом шепчет в самое ухо: «Сделай его технично. Ты сможешь. Психологически ты его уже раздавил. Выглядишь как смерть с косой. Руби его сразу!»

— Он из центра?

— Из центра. Вишь, как разодет? И глядит свысока. Не подведи.

Гонг. Бой начался.

А дальше все как в ускоренном кино. Начинаю танцевать

на ринге. Ногами выплясываю рок-н-рол. Генка что-то кричит, не разобрать. Толпа в зале заводит. В ушах сплошной гул. «Красный» летит на меня, обрушивает удары, но сам закрывает глаза и опускает челюсть. Новичок.

— Лешка, давай! Работай прямыми в голову. Он открыт. В челюсть бей! В челюсть!

— Витек, навязывай ближний бой. Не открывайся. Челюсть закрой.

Три раунда по две минуты. Время как привязанное. Раунд длится не две минуты, а сто двадцать секунд, и каждая секунда весом с десяток кирпичей. Не понимаю, кто выигрывает. Пытаюсь ударить противника в голову, но проваливаюсь в воздух. Он бьет меня по корпусу и теряет равновесие. И тут мне удастся уклониться и провести правый прямой в челюсть. У «красного» появляется кровь на губе.

— Молоток, Лешка. Окропил красненьким. Молоток! Это мой секундант.

Во время перерыва Генка шепчет, что я выигрываю по очкам. Это я? Выигрываю? По очкам? Черт возьми! Бодрит.

— Нокаутируй его, Леха, сделай красиво. По очкам не то. Надо красиво.

Генка заводится.

В третьем раунде попадаю Витьку в голову, и он падает. Рефери считает до десяти. Нокаут. Адреналиновая волна бьет мне в лицо. Сам чуть не падаю от приступа радости. Я выиграл. Это я-то выиграл? Быть не может. В трусах с нари-

сованными синими полосками. С фиолетовыми губами. Боже мой! Нокаут. Первый бой на ринге, и нокаут.

Самый торжественный момент. Рефери берет нас за руки, выводит в центр ринга. Выдерживает паузу. В зале тишина. Произносит вслух мою фамилию и резко вздергивает вверх руку. Победа нокаутом. Меня обнимают, хлопают по плечам. Краем глаза замечаю, что из губы моего противника по-прежнему сочится кровь. Черт возьми. Я победитель. И все-таки подавленный вид «красного» вызывает во мне жалость. Подхожу к нему, жму руку в перчатке, говорю, что он хороший боксер.

— Ладно, — улыбается он. — Не корову проиграл.

Спускаюсь в раздевалку. И сразу в душ. Теплая струя воды падает на лицо, обжигает ссадины от касательных ударов противника. Гляжу под ноги и смеюсь. Фиолетово.

Тихая Серафима

Она начинала собираться всегда в одно и то же время — за сутки до Рождества. Сначала ей приносили зеркало, которое запрещали держать при себе в палате, и Серафима приводила в порядок лицо. Потом надевала серое вязаное платье, закалывала волосы, и вертелась у серебристой амальгамы, словно девушка перед первым свиданием. Морщины исчезали, точно по волшебству, тихая печаль в глазах и уголках губ сменялась искренней детской радостью. Старушка преобразалась, становилась похожей на ангела — тихая, улыбающаяся, светлая, с большими слезящимися глазами.

Санитарки несли ей из приемного покоя зимнюю шубу и сапоги, а она, складывая личные вещи из тумбочки в узелок, тихо приговаривала:

— Сегодня он приедет на машине и заберет меня. Николай мой хороший. Золотой зять. У него своя машина. С дочкой приедут и отвезут меня в деревню. Не хочу я умирать в городе. Хочу ближе к родителям.

Вокруг девятилетней Серафимы Ивановны начиналась суeta, а ей это нравилось потому, что в полдень за ней должен был приехать любимый зять, и отвезти ее на родину.

Кроме нее, в палате лежали трое: все инвалиды по органическому заболеванию головного мозга. Почти и не говорящие. Серафима Ивановна прощалась со всеми, как с род-

ными, расцеловывала санитарок, медсестер, врачей и выходила в коридор... ждать.

За окнами с решетками выюжило, в больнице было тепло, но пахло не мандаринами, а карболкой. Украшенная елка свисала с потолка вниз головой — задумка заведующего отделением.

Проходил час-другой. Никто не звонил в дверь клиники, зять не приезжал. Серафима Ивановна растерянно улыбалась и начинала оправдывать Николая:

— Ну, знаете, мало ли что? Может быть, на работе задержали? Он ведь на ответственных должностях. Он добрый. Переживает, поди, больше меня. Задерживается. А дочка без него не приедет. Они у меня хорошие. В церкви на Рождественской венчались.

Ближе к вечеру санитарка уговаривала старушку раздеться и прилечь отдохнуть, та соглашалась. Серафиме Ивановне делали успокаивающий укол, и она погружалась в сон. А во сне улыбалась. Возможно, видела, как ее зять приезжает за ней на машине и увозит на родину.

Когда дежурил заведующий отделением, он пояснял молодым врачам:

— Каждый год накануне Рождества в ней срабатывает какой-то странный механизм включения памяти. Вот уже несколько лет. В один и тот же день. Не могу объяснить. Несколько лет назад в это время года ее привез сюда на машине зять Николай. И попросил на время принять старуш-

ку, потому что она стала обузой в семье, забывала закрыть дверь, несколько раз чуть не сожгла квартиру, газовые конфорки опять же. Старческая деменция, маразм. Чтобы больная не противилась, Николай этот пообещал старушке, что заберет ее накануне Рождества и отвезет на родину, как она хотела. Прошел год-другой. Потом мы узнали, что вся их семья попала в автокатастрофу. Не выжил никто. Забирать старушку некому. Рассказать правду пытались, да она руками машет. Не слушает. Говорит, что зять ее золотой человек. Что он приедет и увезет ее. И так с ней происходит много лет. Мы уже привыкли. Санитарки жалеют Серафиму. Наступает канун Рождества. Она просыпается первая, начинает петь, улыбаться, просит принести зеркало. Готовится к приезду зятя. Тихая она. Хоть и зовут Серафима, огненная то есть. Нет, тихая. Утром проснется после укола, ничего не помнит. И так весь год.

Однажды Серафима не проснулась в палате, а пробудилась в ясном и ласковом месте, залитом солнечным светом, счастливая от того, что к ней пришел Николай. Зять? Это был не зять. А если зять, то уж как-то волшебным образом он посветлел лицом, волосы его стали белыми, борода седая. Постарел. Он улыбнулся и повел старушку Домой — как она и мечтала. «Святой, — шептала она. — Святой... Николай».

Санитарка, первая обнаружившая покойную Серафиму, тихо перекрестилась и прошептала: «Отмучилась, бедняга. С улыбкой умерла. Знать, принял Господь ее душу».

Миссия

Ночь была тихая морозная лунная. Снег хрустел так, что мне было слышно идущего по ночному городу за три квартала от больницы — несмотря на то, что я находился в приемном покое, в кресле, дремал. Выспаться на дежурствах никогда не удавалось, потому что сон был прозрачный — как бы между состояниями бодрости и дремоты. И сон видишь, и все чувствуешь вне этого сна.

Примерно в три часа ночи в дверь позвонили. Я побрел открывать, зная, что в такое время обычно привозят либо очень буйных пациентов, либо социально опасных — с преступными идеями в голове. Не так давно один шизофреник, который усыпил бдительность психиатров тем, что целый год в больнице писал любовную лирику, вышел на каникулы домой и первой же ночью затаился во внутреннем дворике, дождался ночного обхода и «одарил» своего лечащего врача-женщину выстрелом новогодней хлопушки в лицо. Видимо, считал, что у него не игрушка, а дробовик. Потом только выяснилось, что весь год у больного в голове тикали часовые механизмы мин и повсюду пахло трупами. Его потом отправили в спецбольницу, а женщина, оправившись от шока, стала заведующим отделением. Главный врач решил повысить ее в должности.

В этот раз дежурная бригада скорой помощи доставила в

первую клиническую бывшего психиатра. В моей практике санитаря приемного покоя это было впервые. Сумасшедший психиатр. Я, конечно, слышал о том, что всякие страсти заразительны, что можно под влиянием какого-нибудь буйного рок концерта обернуться человеком толпы и пойти вместе со всеми крушить витрины магазинов. Страсти заразительны, если не иметь иммунитета. Но тут — дипломированный врач-психиатр. Причем, знакомый тому доктору из бригады скорой помощи, которая его привезла в больницу.

— Вчера еще сняли его полицейские с троллейбусного маршрута, — проговорил Куницын, заполняя направление в стационар. — На мосту троллейбус резко свернул направо и пробил ограждение. Чудо спасло людей от падения в Волгу на лед. Трупов было бы не меньше полсотни. А за рулем был наш уважаемый коллега Максим Петрович.

Высокий худой манерный мужчина средних лет невозмутимо улыбался, положив ногу на ногу. Он как будто свысока поглядывал на всех нас.

Санитары бригады скорой вышли на улицу покурить.

— Куда его оформлять? — спросил я.

— Только на первое. Есть места?

— Есть.

Я позвонил Елене Сергеевне, дежурившей ночью по больнице, она дала добро на первое. В архиве я нашел историю болезни бывшего психиатра и стал ее заполнять.

— А как же его допустили до вождения общественного

транспорта? — спросил я у Куницына.

— Так у него ж связи. Старые связи остались. Разве бывшему психиатру сложно поставить печать в справке о нормальном психическом здоровье?

Я покачал головой. «А если бы троллейбус рухнул? А если бы в нем ехала моя жена?» — подумалось мне.

Больной психиатр пристально в меня вглядывался. Словно ожидал вопроса.

— Зачем вы это сделали, Максим Петрович? — наивно спросил я.

Он оживился, демонстративно поправил черный носок на левой ноге, а белый на правой, потом попросил спичку, надломил ее и дал мне.

— Не понял, — ответил я. — Что это означает?

— Вы не понимаете очень простой вещи. Все, что с нами происходит, это происходит только у нас в голове. Я сломал спичку. Что, по-вашему, произошло? Только то, что я сломал спичку. На самом деле, от этой сломанной спички пошла цепная реакция, которую мы не видим. А если бы мы увидели, то непременно стали бы делать только те вещи, которые имеют осознанные последствия. Так и с троллейбусом. Если бы я его толкнул, тогда полностью была бы решена проблема голода во всем мире. Понимаете?

Я покачал головой.

— Вы хотели спасти человечество? — удивился я.

— Ну, конечно! — воскликнул больной и начал возбуж-

денно ходить по комнате. — Вы не даете мне совершить жертву Христову. Вы все наймиты у сатаны. Я хочу на свободу. И я это сделаю.

Максим Петрович резко дернулся в сторону двери, но уперся в двух санитаров, которые курили на улице.

Он вернулся, обмяк.

— Ладно, нехристи, ведите в наблюдательную палату. Не хотите избавить мир от голода? Дело ваше. Мое — ждать.

С этими словами он рассмеялся как ребенок. А я подумал: «И ведь найдется когда-нибудь такой миссионер, который решит спасти человечество от голода, уничтожив для этого ...пару миллионов людей». И все довольно логично: меньше людей — меньше голодных.

На Казанской

Ольга приехала на работу за полчаса до открытия аптеки. Завывал сильный ветер. Рассыпчатый, как крупа, снег бил в лицо, норовя залепить глаза и уши и залезть под воротник. Лампочка уличного освещения у аптеки болталась, словно буёк на море во время сильного шторма. Отключив сигнализацию, женщина зажгла свет и, расстегнув шубу, опустилась на стул и стала наблюдать из тёплого помещения аптеки за тем, как беснуется непогода. «Перед Рождеством дьявол всегда старается навести на людей смуту», — подумала она, вспоминая свою бабушку, которая в сильную метель всегда крестила окна и говорила: «Свят, свят, свят».

На улице замаячила знакомая тень дяди Миши, алкоголика из дома напротив, который подходил к аптеке раньше других и был для Ольги своеобразным талисманом хорошей торговли. Из жалости она пускала его раньше времени. Вот и сегодня она открыла ему дверь, и в аптеку заскочил трясущийся старичок с опухшим лилово-синим лицом и заиндевевшей рукой протянул мелочь.

— Оленька, милая, не дай помереть старому, — пробормотал дядя Миша и зашёл в нездоровом лёгочном кашле. — Пузырек «Боярышника»... Гхе-гхе-гхе... Рубля не хватает. Занесу в обед, гхе-гхе-гхе.

— Смотри не обмани, дядя Миша.

— Что ты?! — испуганно воскликнул озябший мужчина, судорожно прижимая флакончик с «живительной влагой».

— Вот тебе крест!

Дядя Миша попытался вычертить в воздухе подобие креста, и Ольге вдруг стало стыдно от того, что она вынудила старого человека клясться самым святым ради флакона «Боярышника», и она виновато улыбнулась и махнула рукой.

— Ну, иди, дядя Миша. Я тебе верю. Иди. Я пока аптеку закрою. В порядок себя приведу.

Закрыв дверь за первым клиентом, Ольга ушла в комнату, в которой она и её коллеги переодевались и обедали, и до восьми утра там просидела, накладывая на лицо утренний макияж.

К восьми подошла напарница Юля, жизнерадостная оптимистка с оловянными глазами, и аптека начала работать. Первая партия посетителей сплошь состояла из одних пьяниц, которые с трудом наскребали с утра мелочь, для того чтобы похмелиться сообщая недорогоим аптечным продуктом. Вслед за ними появлялись люди из второй партии. Эти торопились на работу и забегали по пути в аптеку, чтобы купить какое-нибудь разрекламированное по телевизору лекарство. «Сегодня будут спрашивать от гриппа, — безразлично подумала Ольга и, подняв глаза на табло электронных часов, тяжело вздохнула. — Боже, как долго тянется время! Как привязанное...»

В начале девятого в аптеке скопился народ. Вчера телеви-

дение напугало доверчивых обывателей надвигающейся эпидемией гриппа, и мнительные горожане ещё до прихода самой эпидемии заразились вирусами болезни от чихающих телевизионных человечков.

В аптеку зашёл местный журналист Прохоров. Одет он был в чёрное драповое пальто с меховым воротником; в руках держал цветы, коробку конфет и шампанское. С ним точно праздник вошёл в аптеку. Очередь почему-то заулыбалась. Ольга выскочила к нему из-за прилавка и несколько минут стояла рядом с журналистом, розовея от комплиментов, которыми он её осыпал. Выйдя в очередной раз из запоя с помощью лекарств, припасенных для него специально Ольгой, мужчина поздравил ее с наступающим Рождеством и вручил цветы, шампанское и конфеты, а так же свежий номер местной газеты, в которой работал.

За прилавок Ольга вернулась радостно-возбуждённая, со сверкающими глазами.

— Это тот самый? — с улыбкой спросила Юля.

— Ага.

— Ничего. Вежливый. Старый только. В очках. Умный, наверное. С чем это он тебя поздравлял?

— С Рождеством.

— С твоим?

— Бог с тобой, Юля, — блаженно улыбнулась Ольга, втягивая в себя аромат роз. — С Рождеством Иисуса Христа.

— А-а, — протянула жизнерадостная оптимистка с оло-

вянными глазами. — Ты же знаешь, в церковь я не хожу, и в Бога не верую.

— Юль, покараулишь отдел? Пойду, цветы отнесу и чайник поставлю.

— Хорошо, — ответила напарница.

— А мужчина, между прочим, и не должен быть красавцем, — сказала вдруг Ольга, словно отвечая каким-то своим потаённым мыслям. — Главное, чтобы у него голова была на плечах.

И она понесла подарки и хорошее настроение в раздевалку. Вскоре ей пришлось вернуться в отдел, так как в аптеке скопилось очередь и появилась ворчливая и вечно чем-то не довольная заведующая Галина Ивановна, которая постоянно срывала своё дурное настроение на подчинённых.

После обеда, до пяти-шести вечера, в аптеке наступал мёртвый час. Изредка заходила какая-нибудь пенсионерка купить недорогих лекарств и заодно пожаловаться на жизнь. Многих старушек Ольга знала и обращалась к ним по имени-отчеству, ласково, как к добрым знакомым, и они отвечали ей тем же, называли «внучкой» и рассказывали разные истории из своей жизни. И Ольга как губка впитывала в себя чужую боль.

Когда ей было тяжело выслушивать бабушек, она совала им бесплатно какие-нибудь копеечные таблетки, словно откупалась от них, и, извинившись, уходила в раздевалку или на склад, где отдыхал грузчик дядя Вася. И до неё через при-

открытые двери доносилось, как бабушки шумно благодарили ее, словно она одарила их не копеечными таблетками, а золотом, и раскланивались, как в церкви, со словами: «Бог спасёт, внучка. Бог спасёт». Когда бабушки покидали аптеку, на Ольгу наваливалась какая-то грусть, и хотелось плакать. «За что Бог дал мне такую чувствительную душу? — думала она, едва сдерживая слёзы. — Вот Юлька молодец! Стоит себе весь день, как мумия, улыбается, думает о дискотеках, машинах и мальчиках, и хоть бы хны! Но ведь к ней и бабушки почему-то не подходят. Как видно, есть в её глазах что-то такое, что отпугивает их, как ворон пугало. Это я, глупая, всё выслушиваю, киваю головой, будто своего горя мало».

Она вздохнула, вспомнила журналиста и улыбнулась. «Какой он всё-таки внимательный, добрый, цветы принёс... розы! Это перед Рождеством-то розы! И шампанское...».

— Плохо, девочки, работаете, — врезался вдруг в её мечты недовольный голос заведующей аптекой. — Выручки никакой. У нас грипп на носу, а выручка хуже, чем летом. Хотела вас отпустить на Рождество, да не выйдет. Завтра работаете весь день. Всё. Я ушла.

Когда за Галиной Ивановной закрылась дверь, в аптеке как будто дышать стало легче. До конца смены оставалось чуть больше двух часов, и Ольга наперёд знала, как пройдут они: появится дядя Миша с деньгами, оживший, разрумяненный, с влажными пьяненькими глазами, любвеобильный,

разговорчивый. Он заплатит долг и купит наперёд несколько флаконов «Боярышника», чтобы дожить до утра, а завтра явится к аптеке первый и будет маячить у окон, ожидая, когда у сердобольной Оленьки дрогнет сердце, и она впустит его внутрь.

Так пройдёт день, другой, третий... Может пройти вся жизнь.

С большим трудом Ольга доработала до лета и стала с нетерпением считать дни до отпуска. Душа её была опустошена, нервы никуда не годились, и она могла из-за какого-нибудь пустяка на работе разреветься, и Галина Ивановна уже не раз отпаивала её валерьянкой, догадываясь, что причиной сей болезни являлась неустроенная личная жизнь. Журналист куда-то пропал, наверное, перестал выпивать и не нуждался в лекарствах.

«Уеду в деревню к маме, — подумала она, пытаясь отогнать от себя назойливые мысли о журналисте. — И дочка отдохнёт от города, молочка попьёт из-под коровы. Будем купаться в озере, загорать, ходить в лес за ягодами и грибами...». Она вспомнила, что мама её не одобряла курортного времяпрепровождения в деревне, осуждала и злилась на Ольгу, если та с утра до вечера не трудилась на бесконечных грядках, не носила воду из колодца, не поливала огурцы, помидоры. И Ольга решила не ездить в деревню, а отдохнуть в городе. И мысли её вновь закрутились вокруг персоны журналиста. И женщина, наконец, поняла почему: она

влюбилась!

Каждый год в праздник Казанской иконы Божьей Матери в городе был крестный ход. Толпа паломников шла следом за иконой, которую несли на плечах на подпорках четверо мужчин. По народному поверью, тому, кому удавалось три раза поднырнуть под иконой, прощались все грехи, накопленные за год; девушек ждал счастливый брак, мужчин — оставление дурных привычек.

Ольга всегда с благоговением относилась к народным поверьям, обещавшим неожиданное счастье.

На Казанскую аптека работала. До отпуска оставалась неделя. Приехав раньше обычного, Ольга собрала свои волосы под косынку, сорок раз прочитала про себя «Богородицу» и вышла на улицу, ожидая икону. Нервы её были истончены до того предела, за которым у религиозно настроенных женщин часто случается восторг, мистическое переживание. Глядя перед собой на дорогу, откуда должен был появиться крестный ход, она загадала, что, если три раза поднырнёт под иконой, то непременно и немедленно получит счастье. Сегодня же. И это счастье в её понимании было связано с мужчиной, который дарил ей цветы, конфеты, шампанское и... тёплые, ласковые слова.

— Ты что здесь стоишь? — удивлённо спросила Юля, проходя мимо застывшей в ожидании иконы Ольги.

— Жду.

— Кого ждешь?

— Богородицу.

— Ко-го? — удивлённо заморгала напарница и, взяв из рук Ольги ключи, бросила на неё подозрительный взгляд, — совсем рехнулась перед отпуском девка.

Наконец, появилась Казанская икона Божьей Матери. Носилки несли на плечах четыре бородатых паломника, одетые в белые навывпуск рубахи. Они шли босиком, но передвигались быстро, уверенно. За ними едва поспевали старушки, но умудрялись забегать вперёд и бросаться перед иконой на колени. Богородица плавно проплывала над ними, а они поднимали ей вслед плачущие глаза и за что-то усердно благодарили.

Издали Крестный ход напоминал корабль, медленно плывущий по главной улице города. Когда икону проносили около аптеки, Ольга изловчилась и три раза поднырнула под ней. На работу она пришла счастливая, загадочно-притихшая, словно она узнала что-то такое, о чём не знали ни Юля, ни Галина Ивановна, ни дядя Вася.

После обеда в аптеке появился журналист Прохоров. Он, как видно, очень плохо переносил жару и был пьян. С его лба на шею стекали крупные капли пота. Рубашка под рукавами и на спине была мокрая. Выглядел он больным и старым. Он пил уже неделю и теперь пришел просить у Ольги лекарство, без которого был не в силах остановить запой. Ольга выслушала его с блаженной улыбкой на устах, а затем стала говорить о своём, наболевшем. Она рассказала о крестном ходе,

о Богородице, о том, что ей удалось три раза поднырнуть под иконой и о том, что она чувствует, что сегодня в её жизни должно случиться что-то из ряда вон выходящее.

Тяжело отдуваясь и вытирая пот, Алексей терпеливо слушал её, поглядывал воспалёнными глазами на часы, затем вдруг сурово перебил её:

— Про ныряния под иконой — чушь. Жажда ленивого даром получить счастье. По щучьему, так сказать, велению да по моему хотению. Ерунда это всё. Прямо слушать противно.

Ольга остолбенела. Только что дорогой её сердцу человек «убил» её, растоптал самое святое, наплевал в душу. Она побледнела. Губы её затряслись, и вдруг всё то, что копилось в душе на протяжении последних двух лет каторжной работы, хлынуло из её глаз жгучими слезами. С ней сделалась истерика. Галина Ивановна тут же подскочила и увела Ольгу в раздевалку, где налила ей немного медицинского

спирта с валерьянкой, заставила выпить и сочувственно кивала головой, пока Ольга изливала ей свою душу.

Постояв несколько минут в аптеке, обескураженный странным поведением женщины, журналист позвонил в редакцию, попросил у главного две недели отпуска за свой счёт и покатыл на такси к знакомому продолжать кутёж.

На Святочной

После белого сухого был судак «по-министерски». Потом плясали, дурачились, снова сели за стол. Под звездный коньяк подали свинину духовую в собственном соку. Кто-то из гостей пошутил: «свинина духовная», и все почему-то посмотрели на Сан Саныча, который тоже улыбнулся этой нелцеприятной шутке. Он был тучен.

Гуляли, как всегда — всем отделом. В святочную ночь в «Купеческом клубе». Весь отдел культуры городской администрации.

Нинка из бухгалтерии была в оранжевом платье с глубоким декольте. Наступал год петуха по китайскому календарю. Секретарша Оля пришла в разноцветном шелковом платье, чтобы соответствовать духу Китая. Она верила в феншуй.

Кажется, многие позабыли о том, что накануне праздновали Рождество Христово, которое к китайскому петуху не имеет никакого отношения. Просто продолжали гулять, и мало, кто помнил и думал о Рождестве и святках. Главное — повод.

Была еще дочка Нинки-бухгалтерши — Оксана из отдела туризма и спорта. Она выглядела соблазнительнее остальных. Сан Саныч плясал с обеими. По очереди. Начальнику позволено быть первым. Стол был обильный на закуску и пи-

тие. Местный прокурор стрелял глазами в их сторону из-за соседнего столика. Там сидели важные дамы — судьи со следователями. Но их за стол администрации никто не приглашал.

После коньяка и духовой свинины с Сан Санычем внезапно сделалось дурно. Он сильно опьянел и начал ругаться.

— Мать вашу! Мы что празднуем? А? Рождество? Или Новый год? Если рождество, то кто родился? Чьи именины? А? Хочу именинника увидеть, мать вашу! Пусть придет и сядет за стол. Хочу, чтобы меня в моем доме уважали!

— Именинник-то Христос, — робко вставила Ниночка.

— Так подайте сюда Христа! Пировать с ним буду.

Прокурор ринулся успокаивать начальника отдела культуры, но тот не унимался.

Ресторан «Купеческий клуб» находился рядом с администрацией, и с улицы было видно, как гуляют богатые клиенты.

Снова плясали, и снова было плохо Сан Санычу — печень. И как только он оборачивался глазами к окну, то видел прилипшее к стеклу озябшее личико ребенка. Мальчишка был худенько одет и на морозе бледен. Но глаза! Глаза были наполнены такой ангельской чистотой, что Сан Саныч не выдержал.

— Посмотрите на окно, — закричал он гостям. — Видите этого мальчишку? Официант, немедленно приведите его сюда и накормите! Мать вашу.

— Там никого нет, — шепнули ему сразу несколько.

— Как же нет? Я-то вижу. Вот же он держится своими ручонками за решетки на окнах и смотрит прямо сюда. Прямо в сердце глядит, постреленок. Скорее за ним. Хочу, чтобы накормили мальчишку.

Охранник заведения выскочил на улицу и вернулся ни с чем.

— Нет там никого, — пробурчал он. — Все дети давно спят.

— Да нет же. Вот он. На меня смотрит, — ошалело ринулся к стеклу Сан Саныч. — Ты кто? — закричал он. — Заходи сюда. Погрейся. Ты озяб? Ответь же мне! Ответь! Ответь! Ответь! Не мучай!

В ту ночь с начальником отдела культуры сделалась горячка.

Я дежурил всю святочную неделю в первой клинической и принимал столь важную персону.

Когда я отводил его на отделение, Сан Саныч озибался по сторонам и с кем-то разговаривал. Обещал что-то поправить. Но не уточнял, что. В отделении санитары приняли гостя ласково и отвели в отдельный бокс. Позже медсестра сделала ему укол, и он заснул с улыбкой младенца.

Память

Старушка подходила ко мне тихо и незаметно, как призрак, и начинала рассказывать. Глаза ее, почти всегда увлажненные, светились радостью. Когда-то они были наполнены цветной радугой, теперь поблекли от долгих лет жизни и полиняли от многих слез и болезней. Валентина Сергеевна умирала. Она знала о том, что умирает, но постоянно забывала об этом и поэтому... жила. Я снимал у нее комнату, будучи студентом.

Забывала она почти сразу и о том, что она ко мне уже подходила, вежливо извинялась, улыбалась и произносила одно и то же — как под копирку:

— Простите меня, Андрей, я ведь вам не рассказала, как в меня был влюблен один офицер...

И начиналась длинная повесть о том, как в музее к ней однажды подошел офицер и сказал, что она «зажгла в его сердце революцию», а потом были какие-то поезда, и офицер ехал с ней в одном вагоне и вышел на станции, чтобы купить для нее соленые огурцы и отстал от поезда...

Таких историй о влюбленностях было всего пять-шесть, но Валентина Сергеевна их досконально помнила, несмотря на прогрессирующую болезнь и почти столетний возраст. Старушка забывала даже о том, поела ли она, приняла ли лекарство, покормила ли кота, только с моей подсказки вспо-

минала, как зовут домашнего любимца, путала числа, предметы, людей, но одно в ее памяти оставалось неизменным — истории о влюбленностях. Последней была ее встреча с будущим мужем, с которым они прожили долгую счастливую жизнь. Молодой лейтенант только вернулся с фронта и пришел на телеграф, где работала Валентина Сергеевна. И увидев ее, тут же сказал, что она станет его женой. Так оно и вышло впоследствии. Каждый день он дарил ей цветы, а по воскресным вечерам они ходили в ресторан и танцевали. И музыка... да, музыку она помнила... напевала... что-то похожее на танго. И плакала от радости, как ребенок. Потом благодарила меня за то, что я выслушал ее, и уходила. Но через час-другой уже «воскресала» передо мной с робким и вежливым выражением лица и произносила:

— Простите меня, Андрей, я ведь вам не рассказала, как в меня был влюблен один офицер...

Продолжалось это не день и не два. Почти год забывшая о своей смерти квартирная хозяйка рассказывала мне одну и ту же повесть, которую я уже знал наизусть. Поначалу меня раздражало это, я иногда повышал голос и просил на время оставить меня. Объяснял, что знаю всех ее возлюбленных наизусть, что она уже тысячу раз рассказывала мне об этом, что она, наконец, мешает мне готовиться к сессии. Валентина Сергеевна извинялась, уходила, едва сдерживая слезы. Я провожал ее худенькую сгорбленную фигурку в халате сочувственным взглядом, однако проходило еще полчаса,

и она появлялась передо мной совершенно преображенная, вежливо извинялась и говорила:

— Простите меня, Андрей, я ведь вам не рассказала...

И я уступал и слушал. Или делал вид, что слушаю.

Старушка умерла накануне Нового года. Ее тихо похоронили.

Я продолжал готовиться к сессии. Иногда засиживался над учебниками допоздна. Дремал, уронив на стол голову. Забывал покормить кота, не всегда вспоминал, как его звали. Учеба и напряжение подрывали мою память. Она отчетливо работала в одном, но в другом давала сбои.

Иногда я забывал, что моя квартирная хозяйка умерла, и тогда слышал, как она в очередной раз трогает меня за плечо и вежливо обращается:

— Простите меня, Андрей, я ведь вам не рассказала, как в меня был влюблен один офицер...

Как я стал злодеем!

Несмотря на бурную дворовую жизнь с неизбежными синяками, ссадинами и содранными коленками, мне определённо не хватало романтики рыцарского подвига. А как же? Ведь мне уже исполнилось восемь лет. В сладких мальчишеских мечтах я обычно оказывался один на один с шайкой бандитов на вечернем проспекте, с улыбкой киногероя раскидывал их направо и налево, и высвобождал из плена симпатичную девчонку, вроде Ольги из 3-го «Б», которая жила в крайнем подъезде нашего дома. Она мне нравилась, потому что в профиль казалась похожей на британскую королеву, которую я лицезрел на одной из зарубежных треугольных марок в своей коллекции.

Эту марку мне привёз отец из заграничной командировки. Однако девочка Ольга возникла в моих мечтах не случайно. В прошлом году во время летних каникул со мной приключилась романтическая история, когда поздним июньским вечером, пропитанным запахом сирени, в присутствии полной золотистой луны Ольга, которая раньше меня как будто и не замечала, вдруг подошла ко мне и попросила помочь ей погадать на какой-то большой черной книге.

Мои друзья стояли в сторонке и посмеивались. Однако со мной произошло нечто необычное. Во время этого захватывающего дух таинства, когда книга будто бы отвечала на во-

просы девочки, наши пальцы неожиданно соприкоснулись, и глаза встретились. С той секунды сердце мое оборвалось и сошло с привычной орбиты.

До третьего класса мне вполне хватало обычных мальчишеских увлечений. Я разводил аквариумных рыбок, коллекционировал марки, значки, играл в футбол за районную сборную. В минуты бесшабашного веселья забирался с дворовыми пацанами на крышу пятиэтажного дома, швырял под ноги прохожим наполненные водой резиновые шарики, а потом с замиранием сердца выслушивал отборную брань. Защищал честь двора в массовых уличных схватках с мальчишками из соседних домов, учился крепко ругаться, но так, чтобы слова не вязли на губах. Был, как все.

Однако после того летнего вечера, пропахшего сиренью, я почему-то охладел ко всем прежним своим увлечениям и страстно захотел одного — подвига. И не просто подвига, а рыцарского поступка, совершённого в честь дамы сердца, то есть Ольги из 3-го «Б». Только вот с подвигом оказалось не всё так просто. Бандиты ни с того ни с сего с неба не падали; Ольгу на моих глазах никто не обижал; даже бродячие псы, на которых я мог бы продемонстрировать своей даме сердца рыцарское бесстрашие, обходили наш двор стороной. Что делать? Где отыскать подвиг?

Часто я ходил по двору унылый, грустный и обиженный на судьбу за то, что она никак не подбрасывала мне повода для совершения поступка. Однажды в школе на большой пе-

ремене я улучил момент, незаметно пробрался в кабинет 3-го «Б» класса и вложил в лежащий на парте Ольгин дневник треугольную марку с изображением британской королевы. И потом несколько дней ходил счастливый, пытаюсь во время случайных встреч на переменах отыскать в ее глазах тайный знак принятия моего подарка. Однако всё было тщетно. Она ничем не выказывала мне своего расположения, беспечно болтала с мальчишками, смеялась, вызывая во мне приступы ревности.

И тогда я понял, что тайный знак моих чувств — треугольная марка — оказался попросту невостребованным. Может быть, она даже взяла и подарила мою марку какому-нибудь рыжему Костику из 3-го «А»? Или вообще выбросила её?

Прошёл месяц-другой, подвиг не подворачивался. Измученный ожиданием, я не выдержал, залез вечером на самое высокое дерево во дворе и вырезал перочинным ножичком на стволе её имя. При этом я изодрал в кровь свои ладони, однако сама боль была мне наградой.

Я получил временное душевное облегчение. На теле раны зажили, а в душе снова обнажились, и я стал ещё нетерпеливее искать подвига во имя любви. Однако ожидания мои опять показались напрасными. Оля была тихая домашняя девочка, во дворе гуляла редко, и поэтому совершить у неё на глазах что-нибудь романтическое, было практически невозможно.

В конце марта сердце моё снова оборвалось и сошло с

привычной орбиты. Ночью, рискуя переломать себе руки и ноги, я тайком забрался на высоченную красную кирпичную трубу кочегарки и вывел белой гуашью «Лёша + Оля = Любовь». Всю ночь я задыхался от счастья и не мог сомкнуть глаз, а когда рассвело, выскочил на улицу, глянул на трубу кочегарки и остолбенел. Издали надпись моя была почти не видна, но зато рядом какой-то... простите меня, сумасшедший, возненавидевший почему-то всех кочегаров на свете, ночью вывел метровыми буквами: «Шиш вам, кочегары!». Это был для меня настоящий удар.

Наступили тёплые деньки. Солнышко припекало. Снег таял на глазах. Все мальчишки словно с цепи сорвались. Как в последнем отчаянном азарте принялись лихорадочно строить ледяные горки, баловаться, играть в снежки, — иными словами, по-ребячьи весело провожать зиму.

Девочки, которые отваживались проходить через наш двор, делали это с весёлым кокетством, потому как знали, что в каждую из них будет выпущено с десятков снежных снарядов. Они поднимали воротнички, с наигранным визгом перебегали с места на место, и будто желали, чтобы один из снарядов непременно попал в кого-нибудь из них. Вместе с мальчишками и я участвовал в этих рискованных баталиях.

Однажды я слепил ледяной комок и беспечно поигрывал им, ища глазами какую-нибудь кокетливую «жертву». И вдруг... увидел её, мою даму сердца. Словно фея, она вышла

из подъезда в белой кроличьей шубке, с распущенными золотистыми волосами, румяная, весёлая и прекрасная как никогда. Ольга плыла по улице, щуря глаза и подставляя своё милое личико под лучи весеннего солнца.

Я глядел на неё заворожённым взглядом и чувствовал такой подъём в груди, что, кажется, появившись в эту минуту с десятков диких разъярённых тигров, я не раздумывая бросился бы на них и на глазах у прекрасной Ольги раскидал бы их по двору как котят. Рискованные вылазки на дерево и трубу кочегарки казались мне сущим пустяком по сравнению с тем, на что я был готов в эти мгновения.

И тут случилось непоправимое. Опьянённый чувствами, я решил, во что бы то ни стало обратить на себя ее внимание, и не придумал ничего лучшего, как запустить в неё снежком. В сущности, ничего худого не случилось бы, если бы мой снаряд разорвался где-нибудь рядом с Ольгой или даже попал бы ей в шубку. Тогда, быть может, она снова бы одарила меня тем лучистым взглядом, под влиянием которого сердце моё оборвалось и пошло кружить по другой орбите, и я был бы счастлив. Клянусь, от одного только этого. Но случилось иное — гадкое, почти невозможное! Описав огромную дугу в воздухе, снежок, словно подхваченный чьей-то невидимой злой рукой, попал прямиком в нежное личико девочки.

Дама моего сердца упала и, закрывшись руками, завопила на всю улицу. Во дворе наступила немая сцена. Сотни укоряющих взглядов вперились в мою сторону, будто я только что

убил человека. Боже, что я испытал в эти мгновения, показавшиеся мне вечностью! Словами не передать. Я бы с удовольствием провалился сквозь землю, но земля цепко держала меня в своих объятиях.

Не шевелясь, я тупо смотрел на то, как из подъезда выскочили Ольгины родители, как отец подхватил её на руки и понёс домой, как мама её с угрожающим видом направилась в мою сторону. Мне показалось, что жизнь моя разбита.

— Какая жестокость! — строго сказала Ольгина мать. — Не думала я, Алёшка, что ты станешь бандитом. Вечером мы придём к тебе и расскажем родителям, какого злодея они воспитали!

«Злодея?» — мелькнуло у меня в голове, и от чувства ужасной несправедливости я чуть не расплакался.

— Да я... ради Оли... — начал оправдываться я, заикаясь, — на дерево... десять диких зверей...

— Что? — не расслышала Ольгина мама. — Ты хотя бы извинился, маленький бандит.

Не помню, как я дожил до вечера. Кажется, от переживаний у меня подскочила температура. Ольгина мама свою угрозу выполнила. Несколько мам и пап девочек из нашего двора пришли в квартиру и стали меня стыдить в присутствии родителей. Хорошо ещё, что Ольгу я не покалечил, обошлось крупным синяком под левым глазом.

Когда меня отчитывали, я не плакал, стоя, как застывшая фигура в детской игре, и с горечью размышлял над тем, как

легко рушатся романтические фантазии. Достаточно одного точного попадания ледяного снежка.

Однако желание совершить подвиг в моей душе осталось. Через год ради другой девочки, Маринки из 4-го «А», я прыгнул «солдатиком» в чёрные воды городской реки с высокого эстакадного моста. Свидетелем был мой друг Костя, которому я не сказал, кому посвящаю этот смелый поступок.

Пуля

Это была пуля со смещенным центром тяжести. Она вошла в бедро и, перевернувшись в мягких тканях, вышла в районе брюшной полости. И тьма окутала все пропахшее войной пространство. Сергея вынесли из-под огня и отправили в госпиталь.

Занавесь раздвинулась. В нос ударило запахом карболки. Перед глазами стояла серая, как мышь, пелена и заборы... деревянные облупившиеся заборы... много заборов, уходящих в далекую перспективу...

— Смотрите, мой юный друг, и не говорите никогда, что не видели, — посыпался голос сверху. — Да-да, взгляните на снимок. Видите, какие кульбиты она проделала в тканях. Смотрите и не говорите потом, что не видели. Пуля со смещенным центром тяжести — это не миф. Кому-то очень хотелось, чтобы она была мифом. В учебнике вы это не прочтете.

— Как вы думаете, профессор, он будет жить?

— Дурацкий вопрос для будущего хирурга. Но я отвечу. Мы за Бога работу не делаем. Но мы должны сделать все, чтобы оттянуть его встречу с Богом. Душу пуля не задела.

— Душу? Семен Борисович, вы шутите? Где ж она находится, эта душа?

— В «венериных железах», болван! Ну-ка, найди, где у

этого красавца «венерины железы»? Не найдешь, к зачету не допущу.

— Вы шутите, Семен Борисович? Какие же у него могут быть «венерины железы»?

— Мда, — упал голос сверху. — До чего же современные студенты измельчали. Где у тебя, болван, «железа сатира» расположена? Отвечай, иначе до резекции не допущу.

Сверху посыпался смех, тяжелый и желтый смех, от которого тошнило, и дрожал серый забор, уходящий в далекую перспективу.

Сергея держали на сильных обезболивающих. Сколько мужчина находился в бреду на койке, в состоянии странного полубодрствования-полусна, он бы не смог ответить. Когда просыпался, была ночь, когда засыпал тоже ночь. Таблетки и уколы плохо действовали. Боль захватывала в плен тело и душу. Его видения и галлюцинации были уже не только порождением сильных лекарств, но еще и нестерпимой боли, которая способна свести с ума даже самых стойких оловянных солдатиков. В бреду проплыло его детство, озарившееся лишь короткими всполохами ясных ощущений. Почему-то припомнилось то, как однажды его несправедливо наказали за что-то родители — за чужой проступок, — и он молчаливо снес наказание, не уронив за день из гордости ни единой слезинки, а ночью, уткнувшись в подушку, дал, наконец, волю молчаливым слезам. Вспомнил, как немного спустя, стал живо представлять себе собственные похороны: вот он ле-

жит в гробу, маленький трехлетний Сережа, симпатичный малыш, убранный живыми цветами. За гробиком идут его родители; отец, кадровый военный, и мать, учительница литературы, убиваются от горя, ломают руки, рыдают, просят прощения у неживого Сергея за несправедливое наказание. Выплакавшись в подушку и насладившись раскаянием родителей, Сергей, конечно, прощает их и... с улыбкой встает из гроба. Он воскрес! О, счастье! «Мы прощены!» — ликуют родители. Сергей бросается к ним и тонет в слезах.

В бреду проплыла юность, взрослая жизнь... Теперь он умирает по-настоящему — он, переживший три военные кампании, кадровый офицер, счастливчик, которого за пятнадцать лет службы не оцарапала ни единая пуля. И вот одна попала — коварная пуля со смещенным центром тяжести. Он узнал про нее все из бесед, сыпавшихся на него сверху, когда глаза ничего не видели, а кругом была грязно-серая пелена. Теперь он видел и чувствовал — чувствовал, что умирает. Разве это возможно?

Сергей вздрогнул и открыл глаза. Рядом с ним на кровати сидела женщина в белом халате и ласково гладила его по волосам.

— Ты кто? — спросил Сергей, недоуменно разглядывая незнакомку воспаленными слезящимися глазами.

— Я твоя жена Таня, — ответила женщина. — Тебе нужно меньше говорить и больше спать.

Татьяна склонилась к его пылающему лбу и нежно при-

коснулась холодными губами.

— У тебя жар, — сказала она.- Эта пуля... она прошла сквозь тебя... эта, гадина, чуть тебя не убила. Сейчас у тебя небольшой абсцесс, но это не страшно. Пуля вышла из брюшной полости.

— Я знаю, — ответил он.- Я про нее знаю все. Голос сверху.

— Какой голос? — с тревогой спросила Татьяна.

— Не знаю. Мужской. К нему обращались «профессор». Он об этой пуле знает все.

— Это Семен Борисович, твой лечащий врач.

— Мне нужно встать. Хочу пойти на улицу. Ко мне должны прийти.

— Кто? — едва удерживая слезы, спросила женщина.

— Мои друзья, — ответил Сергей.

— Они... они... не смогут сегодня прийти к тебе, — ответила Татьяна с тем, чтобы он не заметил ее слез. — Они придут позже.

— Я знаю, что с ними, — сказал Сергей. — Они ко мне уже приходили. Во сне. Сегодня ночью они придут ко мне снова.

Занавес задернулся. Сергей очнулся ночью. Рядом с ним сидела уже другая женщина, бледная, красивая, спокойная, похожая на девушку из его юношеских снов.

— Ты кто? — спросил он.

— Я воплощенная женственность, — ответила красавица.

— Я — произведение твоей страдающей души.

— Сегодня ночью произойдет встреча, — прошептал Сергей, беспокойно поглядывая на кроваво-красную луну, обильно изливающую свет на землю. — Я это чувствую, — сказал он, пытаясь подняться. — Помоги мне, пожалуйста, встать. Я должен встретить своих друзей сам. Помоги мне, Воплощенная Женственность.

— Кто они? — тихо спросила женщина.

— Они мои друзья. Храбрые сердца, оловянные солдатики... Пойдем, ты увидишь их!

Женщина помогла Сергею подняться, и они пошли по лесной тропинке, осиянной мягким светом луны. Женщина покорно шла рядом, готовая в любой миг подхватить слабейшего с каждой минутой мужчину. Его левое плечо вдруг подалось назад, словно кто-то невидимый положил на нее тяжелую руку. Сергей так и передвигался с откинутым назад левым плечом, как передвигаются люди с серьезными нарушениями мозговой деятельности. Впрочем, мужчина, конечно же, догадался, кто положил ему на левое плечо свою холодную костлявую руку. Это была она — белая, похожая на ледяное облако женщина в подвенечном платье. Сергей заметил ее еще раньше, когда он только поднялся с постели. Позади правого плеча, поддерживая мужчину, шел светлый юноша, похожий на веселого мальчика-пажа. Это был Ангел-хранитель, от которого веяло свежим дыханием жизни.

— Я не боюсь тебя, — хладнокровно заметил Сергей женщине в подвенечном платье. — Ты всего-навсего избавишь меня от боли. Прошу тебя, не цепляйся. У меня не так много сил, чтобы тащить на себе тебя и свое тело. А эту дорогу жизни мне нужно пройти до конца.

Холодная женщина-невеста улыбнулась бездушной улыбкой и не отпустила мужчину.

Сергей остановился и вдруг закричал на весь лес, замахнувшись рукой на ведьму.

— А ну-ка пошла прочь, *костлявая*! — Он с размаху ударил кулаком ледяное облако, но не удержал равновесия, покачнулся... и открыл глаза.

В больничной палате было тихо. Лунный свет проникал сквозь занавеску. Положив голову на тумбочку, сидя, спала его жена Татьяна. Во сне она чему-то улыбалась.

Улыбка

Андрей Ильич высыхал от болезней и старости, но продолжал улыбаться и подбадривать окружающих. Его радость исходила изнутри, из сердца, и, когда он шутил, лицо его светилось. Во время своего последнего визита к врачу старик веселил работников регистратуры. Андрей Ильич уже не мог самостоятельно нести до кабинета свою историю болезни, как, впрочем, и собственное тело, однако продолжал шутить:

— Вот уже и моя история болезни растолстела так, что не помещается в щель между столом и витриной, — тихонько смеялся он. — Она толстеет, а я худею. Закон жизни.

Ему помогали дойти до кабинета врача, а он лишь усмехался.

— Помереть не боюсь, — говорил он. — Боюсь не помереть.

Однажды старик высох настолько, что от него остались одни глаза и улыбка. Долгое время он, молча, лежал на кровати в своем доме, но ничего не мог говорить. Обратная связь с миром живых прервалась. Он все видел, чувствовал, слышал, но заявить о себе не мог. Лишь улыбался и освещал комнату своей радостью.

Андрей Ильич слышал, как бранится сноха, ругает сына, чувствовал, как внуки залезают на него и играют на кровати

в «войнушку», не замечая деда. Но ответить уже не мог. Хотел бы умереть да не получалось.

Как-то сноха мыла пол в воскресенье утром и предложила сыну Андрея Ильича убрать старика с постели и поставить его в чулан, чтобы не мешался играть детям. Сын согласился, и Андрея Ильича перенесли в кладовую комнату. Там он продолжал улыбаться и светиться от радости. Иногда его доставали из кладовки и ставили вместо ночника, чтобы электричество экономить.

Выросли внуки. В доме появились правнуки. Андрей Ильич все видел и слышал, но не мог умереть.

Когда подросла правнучка Маша, девочка однажды спросила у своей бабушки:

— А кем был мой прадед?

Бабушка-сноха указала на светящийся ночник с глазами и улыбкой, и сказала, что это прадед.

Машенька взяла прадеда, стряхнула с него пыль, и он засиял свечкой. Свечка сгорала на глазах. Андрей Ильич ликовал. Теперь он сможет, наконец, умереть в радости.

Правнучка поцеловала его и поставила к иконке на кухне.

В этот момент на Небе улыбались ангелы. Терпение Андрея Ильича превращалось в вечную радость.

Вор

Дежурство начиналось спокойно. Приняли двух пациентов. Один поступил с утра. Шизофреник, который придумал вечный двигатель, состоящий из колеса обозрения с пластиковыми люльками. «Чертово» колесо должно было находиться наполовину в воде и вращаться за счет взаимодействия двух сил: тяжести воды в люльках и выталкивающей силы тех же люлек из воды. Все гениальное просто.

Больного привезла скорая помощь из центра города, где изобретатель отбивался от представителей американской разведки, намеревавшейся выкрасть у него тайну государственной важности. Очевидно, люди, включенные в бред больного, как переодетые шпионы, до последнего не признавались в тайных умыслах, потому и были внезапно и дерзко атакованы тщедушным очкариком. Сам гений получил задачу — сила действия должна быть равна силе противодействия. Закон физики. Судя по двум свекольным синякам под глазами и треснутым очкам, случайные персонажи этой трагикомедии отыгрывались на физиономии героя, как минимум, в четыре руки.

Второй пациент был физик-ядерщик, который научился выделять из своей плоти куски отработанной энергии — вытаскивал атомный шлак из ушей, из иных органов тела, складывал все в свинцовую тару и относил в государственные

учреждения. В обед его доставили в первую клиническую на полицейской машине.

А вот ночью спокойный режим дрогнул. Дежурный врач обычно спал у себя в отделении, а я, санитар приемного покоя, раскладывал старое кресло и подремывал в нем, ожидая звонка в дверь. Ночью редко кого привозили.

Стояли Крещенские морозы. Днем медсестра тайком налила мне пузырек чистого медицинского спирта, который полагался для обработки мединструментов. Не обделила и себя. Подмигнула мне, — мол, Господь не выдаст, свинья не съест, — и пожелала спокойного дежурства. Впрочем, мы это и за кражу не считали. Так — дополнительный продуктовый паек за сложные условия работы.

Вечером я пил чай пил с ложкой спирта — для согрева. Мне было уютно и тепло в маленьком помещении приемного покоя. Снилось что-то приятное. Неожиданно в дверь стали барабанить. Я проснулся и пошел смотреть через глазок, какого лешего принесло в такую стужу.

— Открывай! Замерзнем! — услышал я знакомый голос врача скорой помощи Куницына. — У тебя звонок на морозе застыл.

Я открыл дверь и впустил врача, двух санитаров и седоватого бойкого старичка, одетого в приличную дубленку, клетчатую рубашку и джинсы. Волосы у него были до плеч, и вообще он производил впечатление интеллигентного человека.

— Позвонили из ночного супермаркета, — сказал Куни-

цын, делая знак санитарам, чтобы они дожидались его у машины. — Сообщили, что один из покупателей вцепился в другого и требует привезти прокурора, потому что он, якобы, поймал крупного мошенника. Приехала полиция, а наш клиент стал объяснять им, что он художник, и что у него во время приступа болезни обостряется восприятие цветов и жестов. Он будто бы по одной золотой печатке и движению мизинца определил в постороннем покупателе крупного мошенника.

— Мошенник и есть, — проворчал старичок. — Птица высокого полета. Расстрельная статья. Иуда.

— Помолчи, Иванов, — нахмурился врач. — Приехали полицейские, проверили документы у якобы мошенника. Оказался известный в городе чиновник. Заместитель главы администрации.

— Говорю же, мошенник! — взорвался пациент. — Как только его печатку на мизинце увидел, сразу понял, кто этот тип.

— Иванов к вам часто попадает. На первое отправляй, — посоветовал Куницын. — Там он прописан. Все картины в больнице его золотых рук дело. Художник от Бога. Но... и наш клиент. Два-три раза в год обязательно в какую-нибудь передрагу влезет.

Я зашел в архив, отыскал историю болезни Иванова и стал оформлять. Позвонил дежурному доктору. Сергей Сергеевич спросонья пробубнил, что он не возражает против пер-

вого отделения, и велел мне самому проводить больного.

Куницын уехал. Я закрыл за ним дверь и подошел к художнику. Старик весело смотрел на меня. Кажется, ему было привычно возвращаться в больничные пенаты. Меня разбирало любопытство.

Перед тем, как выдать ему пижаму и отправить в ванную, я придержал художника за рукав и, скептически улыбаясь, спросил:

— Ну, а обо мне, что вы можете сказать?

Он покосился на серый шерстяной джемпер, выглядывавший из-под белого халата, усмехнулся и коротко ответил:

— Вор в медицинском учреждении.

Я чуть не подскочил от удивления.

Взял и выдал мой сегодняшний «диагноз». Вор... Да... Пузырек спирта. Не стал я больше ни о чем спрашивать художника. Что с него взять? Наш клиент. Классическая шизофрения.

Ангел

В моей комнате на книжной полке в углу рядом с бумажными иконками стоит крохотный янтарный ангелочек. Янтарь — камень тёплый. Когда берёшь изделие из него, кажется, что прикасаешься к живому теплокровному существу — застывшему в древней хвойной смоле солнечному лучику.

Однако мой ангел — свидетель отнюдь не радостных событий.

Был конец сентября. Купальный сезон закончился. В небольшой городок на побережье Балтийского моря я приехал, чтобы встретиться с редактором одного местного литературно-художественного журнала и получить скромный гонорар за короткий рассказ на морскую тему. Вечерело. Начинало темнеть, ветер усиливался. Редактора в условленном месте не было. Встретиться мы должны были на набережной около канатной дороги. Редкие прохожие, подняв воротники и кутаясь в капюшоны, спешили в уютные тёплые дома и квартиры. Журналист явно не торопился на встречу, возможно, забыл о ней. Чтобы скоротать время ожидания, я решил спуститься по деревянной лестнице к морю. На мне была тёплая непромокаемая болоньевая куртка с капюшоном, поэтому ветер, дождь и брызги солёных волн страшны не были. Пустынный пляж уходил в свинцово-серую перспективу, проваливаясь в темный тоннель. Редкие уличные фонари на-

бережной отбрасывали сверху на берег чахлый жёлтый цвет и расплывались мутными акварельными кляксами. Проходя мимо груды валунов, которыми обычно укрепляют дамбу, я обратил внимание на едва различимый на фоне тёмных камней человеческий силуэт. Странно было встретить в такую погоду у моря человека — по меньшей мере, странно. Я взгляделся в силуэт и увидел девушку.

Она была одета по-летнему — в джинсы, кроссовки, лёгкую ветровку. Я подошёл ближе. Незнакомка дрожала быстрой мелкой дрожью, острый подбородок и тонкие губы её посинели от холода. Из-под светлых волос проглядывало совсем ещё юное личико — личико подростка. Неподвижным взглядом она смотрела на море и что-то беззвучно шептала, была явно не в себе.

— Простите, — начал я робко, боясь каким-нибудь неосторожным словом или движением испугать девушку. Она вздрогнула и посмотрела на меня, как сквозь туман. — Как вас зовут? Что вы здесь делаете? — спросил я.

— Ничего-ничего, — ответила она судорожно, так, будто испытывала страшную физическую боль. — Ничего, ничего, — повторила она и вдруг беззвучно рассмеялась.

Незнакомка нуждалась в помощи, это было очевидно.

— Пойдёмте, я провожу вас домой, — сказал я, снимая с себя куртку и набрасывая её на девушку. — Вы где живёте?

— Там... — Она вяло махнула рукой в сторону богатого особняка, расположенного среди сосен. Я помог подняться

ей, и мы пошли вверх по косогору. Точнее, шёл я, а она брела с полузакрытыми глазами, опираясь на мою руку и бормоча что-то невнятное. Она говорила, что звери лучше людей, что они никогда не лгут, не предают, не унижают. Смеясь и плача одновременно, она сообщила мне, что я её брат, что она видела меня во сне в виде большого и доброго слона, который спасал её от лесного пожара. Иными словами, несла какую-то бессвязную и прелестную чепуху.

Когда мы подошли к дому, с девушкой случилась истерика — она захныкала, как маленький ребёнок, и прижалась ко мне, будто боялась собственного дома. Хрипло залаяла собака, потом появился толстый лысоватый человек с багровым лицом, в майке, в подтяжках и милицейских штанах с лампасами — очевидно, её отец. При первом же взгляде на него можно было понять, что это натура взрывная, упрямая, не терпящая никаких возражений. Не удостоив меня даже презрительного взора, он грубо схватил девушку за рукав и потащил её в дом. Через мгновение в окнах второго этажа зажёгся яркий свет, и я услышал грубый мужской голос:

— Дрянь. Мало тебе позора. Хочешь клеймо на нашей фамилии поставить? До-очь! — завопил он с издёвкой. — Хороша. Вместо того чтобы сидеть, как мышь, из дома носу не показывать, шляется где-то, знакомится со всякими проходимцами! Ещё и в дом его тащит. Погляди на себя. Едва на ногах стоишь. Что соседи подумают? Завтра весь город трещать будет.

— Боренька, — послышался робкий женский голос, очевидно, Машиной мамы. — Смягчи своё сердце. Машенька не в себе. У неё жар.

— Не жар у неё, а пожар. От стыда она горит, должно быть.

— Эх ты, медный лоб, — женщина сорвалась на крик. — Ведь ей только пятнадцать, а она такое пережила!

— Да ну вас. Эй, Машка, что это за тряпка чужая на тебе? Через мгновение из окна второго этажа прямо на меня спланировала моя куртка.

Я заторопился на вокзал, проклиная по дороге толстого грубияна в подтяжках и необязательного редактора журнала, благодаря которому я ввязался в это дурное приключение. Однако с каждой минутой жалость к пятнадцатилетней девочке, оказавшейся в плену каких-то таинственных событий, становилась острее.

Вскоре я стоял на перроне в ожидании поезда. Ветер безумствовал, пытаясь сорвать стальные листы крыши перрона. Рядом со мной на платформе стояло несколько человек — две ярко покрашенные блондинки, от которых пахло вином и дешёвой косметикой; мрачный бородач с рюкзаком за плечами, вероятно, один из чёрных копателей янтаря; трое молодых курсантов морского училища, возвращавшихся, скорее всего, из самоволки в казармы.

Двери электрички с лязгом отворились. Пассажиры стали устраиваться в вагоне. Я уже поставил ногу на железный

приступ тамбура, как вдруг услышал, что меня окрикивает какая-то женщина. Она бежала со стороны тупика, размахивала руками, и просила меня подождать её. Щёки у неё пылали от быстрого бега, она была одета в домашний халат и, ухватив меня за куртку, произнесла, задыхаясь:

— Я узнала вас по курточке... Прошу вас, извините... Я мама Маши Луговой. Благодарю вас за неё. Думала, что сегодня уже не увижу её, мою девочку. Она и записку эту дурацкую написала, глупышка. Решила заболеть воспалением лёгких и умереть. Глупенькая. Хорошо, что вы там оказались. Вас бог послал. А на отца её вы, пожалуйста, не сердитесь. Он безумно любит её, безумно. Извёлся. Сам не свой. У него свои понятия о приличиях. А то, что он взрывной такой, так это после контузии на Северном Кавказе...

Я смотрел на эту убитую горем женщину, слушал её, автоматически кивал головой и никак не мог отделаться от ощущения, что я не знаю самого главного — того, что же случилось с её дочерью... а со мной говорят так, будто я являюсь главным действующим лицом и всё знаю.

Просигналила электричка, предупреждая о скором отъезде. Женщина испуганно вздрогнула, точно очнувшись от чего-то, и вытащила из кармана халата ту самую крохотную янтарную фигурку ангелочка, которая теперь хранится у меня.

— Маша просила непременно передать вам это, — прошептала она, протягивая мне фигурку. — Непременно, вы

слышите? Именно этого ангелочка. Я и одеться-то не успела, боялась опоздать. Машенька сказала, что это важно. На память о ней. Я ей верю. Я ей очень верю. Она сказала, что вы равнодушный человек. Если б не вы... О, боже! Я даже не хочу думать о том, что могло бы случиться! — воскликнула она.

В это мгновение электричка просигналила ещё раз.

— Мне пора, — сказал я, входя в тамбур.

— Ой, — вдруг засуетилась женщина. — Вы же ничего про Машеньку не знаете! Главное.

Электропоезд издал последний предупредительный сигнал, цвет семафора сменился с красного на зелёный.

— Говорите быстрее, — прокричал я, пытаюсь рукой удержать закрывающиеся двери. — У неё что-то с нервами? Она больна?

На меня, молча, уставились огромные, недоуменные, полные невыразимой скорби глаза матери.

— Больна? — словно не в себе повторила она. — Это Машенька больна? Да она ангел, понимаете, ангел.

Её лицо перекосило как от боли.

— Вы ничего не знаете, — строгим голосом сказала она и горько усмехнулась. — Ну конечно, откуда вам знать? Месяц назад на пляже трое пьяных подонков затащили её в машину, отвезли к городскому кладбищу и там...

Внезапный порыв ветра унёс окончание фразы, но я, разумеется, всё понял.

Поезд тронулся. Я стоял в тамбуре и сквозь забрызганное дождём окно смотрел, как от меня удаляется женщина в домашнем халате с поднятыми кверху в немой мольбе руками. Под стук колёс она становилась всё меньше и меньше, потом превратилась в точку и вовсе исчезла. А перед моим мысленным взором всё ещё стояли огромные материнские глаза, полные недоумения и невыразимой скорби. «Больна? Это Машенька больна? Да она ангел. Вы понимаете, ангел».

Всю дорогу я простоял в тамбуре, задумчиво разглядывая крохотную детскую игрушку, подарок незнакомой девочки. Не знаю, почему, но вся та неосознанная моя причастность ко всему, что случилось в семье Луговых, выразилось в одном коротком вздохе — Господи, сохрани и помилуй. Действительно, все мы каким-то таинственным невидимым образом связаны между собою. И в страданиях другого человека, нашего близкого, всегда немного виноваты мы сами. Трудно это объяснить словами. Это надо почувствовать.

Гердауэн

Начало осени.

Ветер набегает порывами, дергает листья кустарников, раскачивает кроны тополей, ускользает в промозглую даль поездных рельсов.

Поселок Железнодорожный расположен на холмах. Внизу черная речка, дамба и пруд. Сто лет назад на этом месте была мельница. Теперь — скелетообразная постройка из красного кирпича с черными провалами окон и готическими надписями. Краска истлела от времени, кирпич, напротив, затвердел, стал темнее и гуще. Чуть выше на холме — заброшенное кладбище. Старинная кирха на другом холме, в центре поселка. И каменная стела с высеченной надписью на немецком языке: «Gott mit uns» — бог с нами. Стела сохранилась еще со времен первой мировой.

Позади меня средневековый замок, в котором в 1991-м году повесился армянин, пожелавший стать «новым русским». Говорили, что он вез с собой чемодан сотенных купюр, чтобы приватизировать кусочек средневековой истории. В дороге случилась денежная реформа Павлова. Об этом предприниматель узнал только утром следующего дня. Улыбнулся дьявол: за одну ночь бурые купюры с монументальным ликом вождя превратились в красивые фантики. Армянин сошел с ума. Вылез на конечной станции седым

и дряхлым, хотя входил в вагон черноволосым золотозубым красавцем. Реформа настигла его между Москвой и Калининградом. Обратила богатство в «пшик», а самого предпринимателя сожгла изнутри как проказа — мужчина почернел лицом, пожелтел глазами, побелел кудрями, добрался до старых конюшен своего замка, из которого хотел сделать придорожную гостиницу, выбрал балку покрепче, обвязал ее нарядным галстуком, влез в петлю и удавился.

Всю жизнь собирал, торговал на рынке цветами и складывал сотенные купюры в чемодан. Вынашивал мечту открыть в старинном немецком городке Гердауэне постоянный двор для немецких туристов. Туристы в конце 90-х и в самом деле пошли, только красавца армянина уже не было.

Пожилого туриста из Германии я однажды встретил возле соседского сарая, где старик-белорус выращивал свиней. Седой немец оперся на капот своего Мерседеса, курил трубку и плакал. Когда-то в этом месте был его дом. Но плакал он по другой причине: при входе в свинарник сосед уплотнил глинистую почву старыми гранитными плитами с заброшенного кладбища. Прочитывалась какая-то надпись: «Майн либе...» Вероятно, моей любимой жене. Отношение к чужим погребениям было разным — во времени, в географическом пространстве. В послевоенные годы особенно не церемонились. В 90-е стали восстанавливать и ухаживать за погребениями бывших врагов. Потом бывшие враги стали партнерами, затем друзьями — с политическим привкусом этого

СЛОВЦА.

Поселок Железнодорожный живет во тьме. Фонарь болтается возле барака станционного магазина. Переезд отливает прыгающими огоньками семафоров, обнажает лысые черепки древней мощеной улочки. Камни отшлифованы веками, теснят друг друга, пузырятся, скрипят по ночам, стоят как сторожевики вечности.

Лукавый дух занес меня в эту глушь. Имя этому духу — женщина, рыжая, как все ведьмы, распутная, с зелеными глазами. Влюбился в нее без рассудка, ушел из семьи, уехал к черту на кулички. Зачем-то захотелось обладать ею подальше от сотен любопытных глаз. Обладать в темноте. Под сводами сырой вечности. Как будто от этого антуража любовь ощущается острее. Действительно — кривой попутал. Приворожил. А когда произошло отрезвление, я увидел не очень молодую и не очень красивую женщину с крашенными жиденькими лепестками волос, полинявшим лицом с морщинками, сверкающими истерическим блеском глазами. Наверное, что-то похожее произошло с предпринимателем-армянином, который вез сюда ценность, а ценность вдруг обернулась мишурой. Сравнение неудачное, однако — почему же я сразу ее не разглядел? Единственное, что было по-настоящему красивым в ее лице — это зубы, крепкие, как у лошади. И лицо было слегка лошадиным. А зубы у нее были

крепкие и красивые потому, что любовник был зубной врач. Влюблялась часто и крепко. Рассказывала мне о своих любовниках. Будоражила кровь, а я наивно думал, что влюблен в нее по уши.

Влюбленность, впрочем, была — она гнездилась в районе солнечного сплетения. Выше не поднималась. Хватала крепким крючком, вкладывала сгусток энергии в обойму, стреляла до глухоты быстро.

Прошла она тоже скоро. Так бывает. Рассеялась в эфирном пространстве ненаписанной сказки. Истекает из души только то, что вызревает годами, десятилетиями.

Так я ей потом и сказал:

— Наши отношения — не роман. Рассказ. И тот недописанный.

— Я это знала, — ответила бледная женщина с профилем мне незнакомым. — Ничего. Я поняла все раньше, чем ты.

И заплакала, зная, что я не могу выносить женских слез.

Денег у нас не было. Была работа, жилье и крепкое здоровье. Ольга учила детей в интернате для слабоумных. Подрабатывала массажисткой.

Я преподавал физкультуру, охранял склады с гуманитарной помощью, вел платную секцию бокса в единственной школе поселка.

В солнечные дни мы с Ольгой гуляли по рельсам почти до польской границы, собирали пижму и ездили в соседний город сдавать ее за деньги на аптечный склад. Не знаю, кто

кого обманывал, мы аптеку, или аптека государство, — но от сбора сырья мы получали больше, чем две зарплаты педагогов. Вскоре лавочка, впрочем, прикрылась. Выживали, как могли. И тыквы с кабачками иной раз воровали с чужих огородов. Вместо чая пили траву. В гости приглашали приезжих из Самарканда, дивились их спокойствию, безмятежности, трудолюбию. И умению радоваться малому...

Ночь была особенно ветреная и черная, когда я оставил свой пост и забежал домой перекусить. Склады с немецкими кроссовками располагались в спортивном зале интерната. Около двух часов ночи я уже возвращался на пост.

Ветер выл, как собака.

Единственный фонарь у станции кто-то из местных разбил кирпичом.

Во всем поселке только семафорные мигающие блики. Окна в домах светятся, но далеко от железной дороги.

На мне синие спортивные штаны, кроссовки и черный джемпер. Сумка с провизией через плечо. Взял с собой четвертинку самогона от белоруса-соседа.

Ныряю во тьму. Звенят ключи от спортивного зала. Шумит ветер. Возле станционного магазина обострившийся слух угадывает какую-то возню. Нервы напряжены от неизвестности. Кто там? Что там? Кулаки плотно сжаты.

Кустарники кажутся людьми. Заколдованными странниками.

Из темноты на меня выскакивает плотная массивная фи-

гура, размахивает руками и ногами, пытается меня сбить. Один удар рукой от неожиданности пропускаю, но тут же понимаю, что передо мной не совсем трезвый мужчина. Масса тяжелая, но рыхлая. Мат-перемат. Тельняшка без рукавов, армейские башмаки. Татуировка сверкает от случайного луча семафора. Рисунок размыт. Ничего, кроме фигуры, не различить.

Резко скидываю с себя сумку. Мелькает мысль убежать, но тело рефлекторно ускользает от ударов, бью со всей силы наотмашь правым боковым. Хрустит кулак, тело противника пошатывается, но не падает. Сразу добавляю прямой левый в челюсть и еще раз правый боковой. Тело падает навзничь, хрипит. Откуда-то появляется робкий свет и несколько пьяных фигур. Девушка и три парня. Парни местные. Ходят ко мне в секцию. Девушка склоняется над пограничником и начинает причитать:

— Убили! Сашку моего убили.

— Не убили, — отвечает один из местных пареньков. — Слышишь? Хрипит. Очнется. До заставы добредет. И передай солдатам, чтобы заканчивали воевать с местными. Сейчас не забили. Потом убьем. Поняла?

— Убили, — пьяно воет девушка. — Сашку моего убили.

— Спасибо, что помогли, Иван Николаевич, — обращается ко мне подросток Коля. — Не знали, что с этим шатуном делать? Скоро на дембель. А он, сука пьяная, на местных парней с кулаками по ночам. Как на охоту. Теперь запомнит

надолго. Танька влюбилась. Ходит за ним как тень, а он крутость свою дурную показывает. А вы его хорошо отделали. Профессионально. В нем кило сто, а вы с двух ударов.

Нагибаюсь за сумкой, проверяю дрожащими пальцами, цела ли бутылка самогона. Цела. Слава богу. Рука дрожит от того, что сломал какую-то костяшку на правом кулаке. Слишком сильно врезал. Не промахнулся. Попал, вероятно, в лоб.

— Смотрите, чтобы не уснул на рельсах, — обращаюсь я к подростку. — А мне пора на вахту.

— В милицию звонить? — спрашивает другой паренек.

— Не надо, Денис, пусть нормально на дембель отправится.

Денис — лучший в моей секции. Хулиган, уличный боец, черный копатель. Пока ничего больше о нем не знаю. Денис накаченный, рыжий, с позолоченной фиксой во рту. Спокойный. От силы природной.

Через полчаса сижу в каморке сторожа и пытаюсь унять нервную дрожь и ломоту в руке четвертинкой самогона. Вся анестезирующая теплота уходит на снятие боли. Остаюсь трезвым и злым.

Когда рассвело, понял, что руку сломал — она опухла и почернела. Перелом закрытый, но медлить нельзя. До рабочей смены в интернате два с половиной часа, а больница всего в двух кварталах. Рискнул. Побежал в приемный покой на процедуры. Оставил склад без присмотра.

Пока мне делали перевязку и налагали шину, несколько тюков с германскими кроссовками увели. Украли, то есть. Краем глаза я заметил, как какой-то странный утренний рыбак вел свой мотоцикл с коляской на холостом ходу. Запомнил номер мотоцикла.

Днем ко мне на квартиру приехал майор Кувшинников, главный милицейский человек в поселке, внимательно расспросил меня, дал понять, что ему известно про ночную драку с пограничником. Предложил работу в уголовном розыске. Но перед тем, разумеется, бумажная рутина, полугодовое обучение на ускоренных курсах школы милиции. Я согласился. Думаю, зацеплюсь за государственную службу, а там, как-никак, выплаты за звания, пайки и прочие привилегии. Надо было выживать.

Ольга засутилась. *Будешь при погонах, сможем приватизировать ведомственное жилье.* Жилье вскоре приватизировали.

— Ах, какой красавец, этот Кувшинников, — шептала Ольга. — Седой, благородный, прямая спина. Не думала, что в этой дыре живут такие отзывчивые люди. И тебе помог.

— Угу. Хороший человек, ничего не скажешь.

Ольга засутилась больше. *Давай распишемся, как муж и жена, в поселковом совете. Ты скоро будешь олицетворять власть. Надо расписаться официально.*

Не сужено было этому случиться.

Когда подходили к поселковому совету, Ольга попросила

меня найти кустики, чтобы сходить в туалет.

— Потерпи, — ответил я. — Тут место святое. Кирха.

— Ну, конечно! — нервно ответила Ольга. — Одни стены и остались. Внутри пьяная молодежь. Ямки роют, ищут клад. Я не за серебром иду и не за старинным фарфором. Присяду возле тех кустиков, я быстро.

— Делай, что хочешь! — рассердился я. — Иди. Покараую.

Поселковый совет был закрыт. Единственный на весь поселок туалет тоже.

На обратном пути Ольга случайно наступила на птенца грача и заплакала.

— Ты меня не любишь, — сказала она. — Зачем я с тобой приехала в эту глушь?

— Волоком не ташил. Сама захотела.

— Грачи детенышей выбрасывают к голодному году, — всхлипывая, произнесла она. — Не выдержу я. Уеду.

— Теперь повсюду голодное время. Силы есть, проживем.

— Ты не понимаешь. Я наступила на птенца. Значит, ребенка от тебя не будет.

Я не удержался.

— Слушай, ты вроде бы не была такой впечатлительной. Что с тобой?

— Это место, — поежилась она, — мрачное, депрессивное, без солнца. Одни дожди.

— Все нормально. Не место делает человека, а человек

место.

В школе милиции я учился без отрыва от работы. Служба увлекла меня с головой. И с кулаками, и с другими частями мужского тела. Увы, это так. Хороший оперативник не может быть чистым человеком. Слишком много грязи. Выбраться из свалки чистеньким не выходит.

Работа у меня пошла. Отношения с Ольгой испортились окончательно.

Однажды поздно вечером я возвращался со службы домой и увидел во дворе странную картину: сидит, скорчившись от боли в три погибели, сосед-белорус, придерживает большой палец, с которого хлещет кровь. На разделочной дыбе свиная туша, вокруг соседа суетятся знакомые.

— Что случилось, Франц Адамович? — спрашиваю я, рефлекторно бросая взгляд в сторону гранитной плиты у подножия свинарника. — Порезался, что ли?

— Ведьма тут была, — прохрипел старик и указал глазами в сторону замка. — Мария Германовна. Все тут ее знают. Вроде бы из старых жителей. Не захотела переселяться после войны. Сколько ей лет, не знаю. Где живет, не знает никто. Вроде бы на конюшнях замка, где армянин повесился. Всегда в черном ходит. Молчит. А посмотрит на кого — сглазит. У меня куры почти все подохли. Если встречаешь ее, нужно дулю из пальцев сплести и в карман прятать, и держать, пока не пройдет мимо. А я зазевался. Только нож занес над

свиной тушей, разделывать хотел. И она. Тут как тут. Вот я палец себе... Отрубил, мать ее!

Темнота.

Ветер воет как птица. Иногда переходит в плач младенца. Паяльная лампа лежит рядом со свиной тушей. Кругом кровь — свиная и человеческая. Мистика.

Растопить бы печку углем, выпить теплого вина. Да не до того. Дрова привезли сырые, осина. В голове одно — как согреться и добраться утром до планерки в отделе в трезвом виде. В подвале моего домика у старых хозяев коптильня мясная была. По ночам крысы копошатся, спать не дают. И свиарник соседский им дом родной. Там, где свиньи, всегда и крысы — закон.

Ольга решила в будущем году вернуться домой в Саратов, черт с ней. Нужно бы пару-тройку хороших котов завести. Крысоловов по наследственности. Такие тут водятся. Знаю.

А женщина появится, не сомневаюсь. Будет уют, будет и женщина. Кошки и женщины всегда появляются вместе с уютом.

Время шло. Я и поселок мирились друг с другом. Иногда ссорились. Пытались ужиться.

Я много пил, пропадал на работе. Научился раскрывать преступления. Научился отказывать в возбуждении уголовных дел. Помогла любовь к литературе. Умело отказать — это сочинить правдоподобную историю для прокурора. Все оперативные хитрости прокурор знает, потому приветству-

ет оригинальные формулировки в *отказном* материале. Например: в поселке неоднократно видели лису. Пытались поймать. Не вышло. Через неделю списываешь кражу кур у местных старушек на мифическую лису. Доводилось «работать» и с чупокаброй. Прокуратура излишнее литературное рвение не одобряла. Лиса — ладно. Но не сказочная чупокабра. Так и до призраков замка можно дойти. Прокуратура в призраки не верит.

Но чтобы и лиса мифическая подтверждалась двумя-тремя свидетельствами местных охотников. С этим проблем не было. С кем пьешь, с тем и договариваешься.

Майор Кувшинников раскрывал преступления, не выходя из запоев. Набирал ящиками водку паленую, конфискованную, пил с местными мужиками, в пьяных разговорах всплывала бравада уголовная. Кто-нибудь что-нибудь болтал. Кувшинов пил, но память не терял.

Такие раскрытия считались высшим пилотажем в работе оперативника. На казенном языке — оперативная разработка. Когда своими ногами бегаешь по свидетелям — на ранг ниже. Личный сыск. Но и это приветствуется. Пока бродишь по людям, вскрываются прежние преступления, как плохо спрятанные секреты. Приходит весна, снег уползает в землю, остаются «подснежники», то есть открываются тайны.

В феврале снега не было. Продолжал поливать сверху холодный дождь. Белые хлопья иногда пробивались, тут же

смешивались я грязью, таяли...

Накануне восьмого марта ночью раздается стук в дверь. В сон проникает уже не стук, а грохот — явление гротескное, фантастическое, стихийное. Кошмары в поселке — привычное дело. Другая земля, другие люди, другие сны. Короткие, яркие, выпуклые, резкие.

— Выходи, Иван, у нас труп возле школы.

Серая «буханка» коптит арочное перекрытие дома, двести машины нараспашку, из автомобильного радио булькает веселая музыка. Сержант пьян, но на ногах держится. Мой водитель — Костя, зять соседа Франца Адамовича. Парень крепкий, двужильный, крестьянского типа.

— Возьми у тестя стакан. Продрог с этими осиновыми дровами, — недовольно отвечаю. — Береза нужна. Осина коптит, дымоход забивает, а жару нет.

— Баба тебе нужна, а не береза, — язвит сержант. — Одевайся, стакан принесу. И хлеб с салом.

Форму я не ношу. Оперативный состав. Всегда в штатском. И слегка под хмельком — только так можно оставаться своим в богом забытом месте. Кругом леса, слева — граница, справа — трасса до областного центра. Половина местного населения из *сидельцев*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.